

РИТА
Набер

ПОДОНОК

*Я тебе обязана
войну!*

Рита Навьер

Поденок. Я тебе объявляю войну!

<https://litres.ru/74464134>

Аннотация

Я стою перед новыми одноклассниками. Один из них, брюнет, смерив меня оценивающим взглядом, бросает с небрежной ухмылкой своим друзьям: – А она ничего, да? Так еще интереснее. Охота будет жаркой... Потом наклоняется ко мне и, обжигая ухо дыханием, шепчет: – Ты даже не представляешь себе, глупая зверушка, куда ты попала. Тебя ждет много сюрпризов... «Тебя – тоже», – заглушая страх, думаю я. _____ Моя мама работала в элитной гимназии, где учится золотая молодежь. Пока однажды ее не увезли оттуда на скорой. Я не знаю, кто тот поденок, что измывался над ней, но обязательно это выясню... # от ненависти до любви # неоднозначный герой# сильная героиня # острые эмоции ОДНОТОМНИК, ХЭ

НОВАЯ ИСТОРИЯ:

Содержание

1. Женя Гордеева	5
2. Женя Гордеева	9
3. Женя Гордеева	13
4. Женя Гордеева	18
5. Женя Гордеева	23
6. Стас Смолин	29
7. Стас Смолин	34
8. Женя Гордеева	39
9. Женя Гордеева	44
Визуализация	50
10. Женя	59
11. Женя	63
12. Женя	68
13. Женя	74
14. Женя	79
15. Стас	84
16. Стас	90
17. Женя	98
18. Женя	105
19. Женя	112
20. Женя	123
21. Женя	132
22. Стас	140

23. Женя	149
24. Женя	154
25. Стас	159
26. Женя	164
27. Женя	170
28. Женя	178
29. Женя	186
Конец ознакомительного фрагмента.	188

1. Женя Гордеева

Я мчусь изо всех сил через двор, не замечая луж, промокших ног, глупой собачонки, что увязалась за мной с визгливым лаем. Мчусь в сторону автобусной остановки и отчаянно молю: «Господи, пожалуйста, пусть всё будет хорошо! Умоляю, умоляю...».

Пятнадцать минут назад я ещё стояла у плиты, напевая старенькую песенку, и готовила на ужин макароны с сыром. А потом мне позвонили из гимназии, где работает мама.

Незнакомый женский голос буднично сообщил, что маме внезапно стало плохо и её отвезли на скорой в первую клинику.

«Что с моей мамой?» – закричала я в ужасе.

«Я больше ничего не знаю, – равнодушно ответила женщина. – Мне велели передать только это».

Позвонила маме на сотовый – абонент недоступен.

Тогда, наспех одевшись, я опрометью выскочила из дома. И вот теперь бегу, умираю от страха и неистово шепчу: «Мамочка, пожалуйста, живи! Мамочка, только не оставляй меня!».

Маршрутка приезжает забитой – уже вечер, час пик, все едут с работы. Кажется, что в салон даже мышь не протиснется. Люди, что вместе со мной стояли на остановке, и не пытаются. Одна я, не глядя, вскакиваю на ступеньку, штопо-

ром вклиниваюсь в плотную стену чужих спин и проталкиваюсь чуть вперед. Слышу чье-то шипение и ругань в свой адрес, какая-то сердитая тетка бьет локтем мне в бок, но я ни на что не реагирую.

Вообще на всё плевать. Лишь бы скорее доехать. Лишь бы успеть в больницу, пока ещё пропускают. Лишь бы ничего страшного не случилось...

До больницы опять мчусь бегом, со всех ног, не разбирая дороги. И вдруг из-за поворота вылетает красный спортивный Порше. Слышу визг тормозов. Поворачиваюсь и... чудом, в каком-то немыслимом прыжке, уворачиваюсь от, казалось бы, неминуемого столкновения с кабриолетом. А затем, не оглядываясь, несусь дальше под яростное гудение клаксона. Водитель, темноволосый парень в солнцезащитных очках – его я успела заметить мельком – кричит мне вслед: «Овца безмозглая! Жить надоело?!».

В другой раз я бы, наверное, здорово перепугалась. Хотя в другой раз я бы и не помчалась сломя голову в неподобающем месте. Но сейчас этот эпизод пролетает у меня почти незамеченным.

Врываюсь в приемное отделение. В регистратуре небольшая очередь, но стоять-ждать... я же сойду с ума.

Выбираю бабушку на вид добрее и, тяжело дыша после пробежки, молю ее пропустить меня вперед.

– Пожалуйста... можно я перед вами... мне не ложиться... я к маме... только узнать, где она...

В итоге – меня пропускает вся очередь.

– Гордеева... Валентина Павловна... мама моя, – выдаю я порциями между вдохами в окошко регистратуры. – Ее привезли сюда с работы... сегодня...

Суетливо подаю ей мамин паспорт и полис.

– Вот.

– Минуту... – отвечает женщина и так медленно, так неспешно скролит страницу у себя на мониторе. При этом отвлекается на разговоры медсестер, стоящих рядом, хихикает с ними над какой-то ерундой. А я от нервов выбиваю пальцами чечетку по столешнице стойки и еле сдерживаюсь, чтобы не прикрикнуть на неё. В мыслях же ору как бешеная: «Давай уже скорее, каракатица!».

– Отделение неврологии, третий этаж, триста пятая палата, – наконец сообщает мне она. – Прямо по коридору и...

– Я знаю, – не дослушав, срываюсь я с места.

Потому что действительно знаю. Два года назад я здесь почти жила...

Пулей взлетаю по лестнице на третий этаж. На миг останавливаюсь перед дверями из матового стекла. Перевожу дыхание. И затем вхожу.

Длинный коридор с бежевыми стенами. Справа сестринская, процедурная, триста первая палата, триста третья... Дальше, помню, будет небольшой холл с огромным аквариумом, диваном и зарослями монстеры. Потом – сестринский пост. Как всё знакомо. Знакомо до боли, до тошноты, до

омерзения...

Неужели опять всё это придется пережить...

Пусть. Переживу. Лишь бы не случилось страшного, повторяю я про себя и иду вперед.

2. Женя Гордеева

Тихо стучу в триста пятую палату. Захожу и останавливаюсь на пороге. Озадаченно осматриваюсь. Две пожилые незнакомые женщины, одна лежачая, вторая – сидит на кровати и ест печенье с тумбочки. Третья кровать – пустая. Мамы здесь нет.

Внутри тотчас всё леденеет.

Господи... Мамочка, нет... Только не это!

– А-а... – сиплю я, не в силах нормально задать вопрос.

Горло перехватывает спазмом.

– Девочка, ты к кому? – спрашивает старушка с печеньем.

Судорожно сглотнув, показываю на пустую кровать.

– А-а, да, тут была женщина... Ее сегодня положили. Но уже перевели в другую палату.

– В реанимацию? – с трудом выдавливаю из себя.

– Нет, в платную. В эту... как там... ВИП.

Пару секунд я обескуражено смотрю на старушку. Какая еще ВИП? Затем понимаю – это не про мою маму. Видимо, какая-то ошибка. В регистратуре, наверное, напутали. Не ту палату назвали.

Пошатываясь, выхожу в коридор. От такого стресса и самой можно запросто сюда загреметь.

Иду к сестринскому посту. Пару минут назад тут никого не было, но сейчас медсестра уже на месте. Раскладывает

таблетки по маленьким белым стаканчикам.

Я так переволновалась сейчас, что забываю об элементарной вежливости и просто спрашиваю у нее про маму.

– Кто? Гордеева? В триста пятой, – не отвлекаясь от таблеток, с ходу отвечает она.

– Там ее нет!

– Как нет? – поднимает на меня глаза девушка. – А! Точно! Ее же перевели в ВИП-палату. Иди по коридору до конца. И направо, прямо перед пожарным выходом будет небольшой закуток. Там у нас две ВИП-палаты. Она в триста двадцать восьмой.

Ничего не понимаю. Но иду, куда сказали. Перед пожарной лестницей сворачиваю в закуток. Там и правда две палаты.

Дверь в триста двадцать восьмую немного приоткрыта, и оттуда доносится мужской голос. Вроде как отдаленно знакомый.

– Валентина Павловна, милая, не волнуйтесь. Я обо всем позабочусь. Значит, мы с вами договорились, да? Вам просто стало плохо. Вы убирали спортзал и внезапно потеряли сознание, так? А всё остальное оставим строго между нами, хорошо?

Я не слышу, что ему отвечает мама. Но, видимо, соглашается. Потому что затем он сразу повеселевшим голосом продолжает:

– Вот и прекрасно. В самом деле, зачем вам эта нерво-

трепка, а гимназии – лишние проблемы... Вы пока лежите, лечитесь, все оплачено, я еще с врачом поговорю. Если что-то нужно – всё будет. Всё компенсируем. А насчет нашего предложения... – он на миг задумался, – ну, думаю, со следующей недели ваша дочь сможет начать у нас обучение. Мы все формальности за эти дни уладим, ну и... с радостью примем ее к нам. Вы не пожалеете, Валентина Павловна. Для вашей девочки – это отличный шанс! Путевка в жизнь. Ну, вы и сами знаете.

Замерев, подслушиваю их за дверью, пытаюсь понять, о чем он. В общем-то понять несложно. Но все-таки как же мне знаком этот голос! Где я его могла слышать? Противный такой, вкрадчивый, шелестящий...

Ладно, черт с ним. Пока подытожу услышанное. Итак, с мамой явно что-то нехорошее случилось в гимназии. Скорее всего, это связано с безопасностью условий труда, раз они так засуетились и боятся, что правда всплывет. Просят ее о чем-то умолчать. Задабривают. Подкупают платной палатой и «путевкой в жизнь» для меня. Значит, что-то серьезное, раз так суетятся...

Во мне вдруг закипает гнев такой, что даже отчасти глушит страх. Вот же мерзавцы! Сволочи трусливые. Не знаю пока, в чем там дело, но они за всё ответят. Клянусь!

Да и к тому же нужна мне эта «путевка» и их гимназия! Пусть катятся к черту. Меня и моя школа более чем устраивает. Не знаю, зачем мама согласилась. Но я совершенно

точно никуда не пойду. И с мамой поговорю, чтобы не соглашалась, когда этот тип уберется.

И тут он добавляет фразу, от которой у меня внутри всё переворачивается.

— А я со своей стороны обещаю, что выясню, кто это сделал. Кто так жестоко и подло с вами поступил. Выясню и накажу сам негодя. Как минимум, добьюсь его отчисления. Честное слово, Валентина Павловна, виновный будет наказан, кем бы он ни оказался. Просто сделаем это сами, не вынося сор из избы. Не стоит ведь портить репутацию всей гимназии и ни в чем не повинных людей из-за одного подонка. Хорошо? Вот и ладненько.

И я тотчас вспоминаю, чей это голос. Ну, конечно, это его бесячее «вот и ладненько» невозможно спутать... Марк Сергеевич Платонов. Мамин ученик. Бывший, конечно. Сейчас он и сам педагог. Точнее, заместитель директора этой самой гимназии.

В висках оглушительно грохочет пульс. А затем к ногам на белую плитку пола падает алая капля, еще одна и еще...

3. Женя Гордеева

Я подношу руку к лицу – точно, носом идет кровь. У меня так бывает, особенно когда сильно разволнуюсь – слабоваты капиллярные сосуды. Но сейчас... как же не вовремя!

Прижимая ладонь к носу, я спешу в уборную. Пару минут стою над краном, потом еще минут пять – у окна, запрокинув голову.

Возвращаюсь обратно и вижу, что из маминой палаты как раз выходит Марк Платонов. Меня он не замечает – прямо передо мной идет грузная женщина, заслоняя собой.

Затем ему, видимо, кто-то звонит. Он на миг приостанавливается, достает из кармана сотовый, принимает вызов и одновременно сворачивает к пожарному выходу.

Я прибавляю шаг. Хочу догнать его и спросить, что там случилось. Даже не спросить, а потребовать ответа: кто и что сделал с моей мамой?

Но когда выскакиваю на площадку пожарного выхода, он уже успевает спуститься на один пролет. Хочу его окликнуть, но замолкаю с открытым ртом, услышав, как он отвечает кому-то, с кем все еще говорит по телефону:

– ... да, да, можете не волноваться. Я вот как раз иду от нее... Она ничего никому не скажет. Да она, похоже, и сама не уверена, кто это сделал, так что будьте спокойны... Но вы сами как-то тоже поговорите с ним, что ли. Одиннадцатый

класс – это все-таки не малые дети, уже пора понимать, что можно, а чего нельзя. Для него же совсем никаких рамок не существует... Мы и так на многое закрываем глаза, но это уже могло быть подсудным делом... Да, конечно, наша гимназия вам многим обязана, мы это помним и очень вам признательны, просто вы меня тоже поймите. Это сейчас удалось замять, но в другой раз может и не... Да, я понял... Извините... Простите, пожалуйста... Я не должен был, конечно...

Платонов медленно спускается ниже. Я тихо крадусь вслед за ним, жадно ловя каждое слово. Очевидно, он как раз говорит с отцом подонка, который виноват в том, что случилось. Заверяет, что мама ничего никому не скажет. Лебезит перед ним. Фу, противно даже слушать...

– Да нет, она точно не передумает... Я, конечно, пообещал, что найдем виновного и обязательно накажем. Сказал, что отчислим... но, конечно, никто никого не отчислит, просто я же должен был что-то сказать... Да к тому времени, как она вернется, если ещё вернется, уже обо всём забудется... Ну и, главное, по согласованию с директором я обещал, что зачислим ее дочь к нам... Это и сыграло роль, да... Девочка будет учиться бесплатно, за счет гимназии... Кто ее дочь? Да просто обычная девочка, одиннадцатиклассница... Да, получается, будет учиться в этом же классе, но она ведь не в курсе, так что... Да, может, и не лучшая идея, но именно поэтому Гордеева согласилась всё забыть... Нет, она со своей стороны пообещала, что ее дочь ни о чем не узнает...

Голос его становится всё тише, я осторожно спускаюсь следом. Затем он просит охранника выпустить его, внизу хлопает дверь, и наступает тишина. Он ушел.

А я еще несколько минут стою на площадке в оцепенении, переваривая услышанное.

Вот же подонки! Сволочи! Уроды! Богатенькие зажавшиеся ублюдки! Бедная моя мамочка... Что они с тобой там делали? Поиздевались? Обидели? Унизили? А, главное, кто он?

И самое мерзкое, что этот подлец Платонов знает, кто это сделал. Всё он знает и покрывает этого уroda. Хуже того – еще и извиняется перед его отцом.

Ну, ничего. Я сама всё выясню. Пока не знаю как, но выясню. Обязательно. Обещаю...

В груди печет нестерпимо. Мне хочется и кричать, и плакать, и пуститься вслед за этим мерзким Платоновым, потребовать от него ответа, хоть с кулаками и угрозами. Но я понимаю, что этим не добьюсь ничего. Поэтому минуту-другую просто стою на лестнице, вцепившись в перила.

Нет, надо постараться успокоиться. Хотя бы сделать вид. И успокоить маму. А потом... потом всё обдумать.

Я поднимаюсь в мамину палату. Здесь и правда хорошо не по-больничному. И кресло, и диван, и столик, и тумба с телевизором. Мягкий свет настенных бра добавляет домашнего уюта. Если бы не высокая медицинская кровать посередине палаты, то и не скажешь, что это больница.

Мама поворачивается на шум, видит меня и слабо улыбается. Руки ее, тонкие как веточки, лежат на груди поверх одеяла.

«Не плакать, не смей плакать!» – приказываю себе и через силу выдавливаю улыбку.

– Мамочка, как ты? Что произошло? – склоняюсь к ней и целую сухую, теплую щеку.

– Да... сама не знаю, Женечка. Плохо мне вдруг стало... ни с того ни с сего... давление, наверное, подскочило... – мама прикрывает глаза. – Пришла в себя уже в скорой... А что было до этого – ничего не помню. Врачи говорят, микроинсульт... Но ты не бойся, это не как в прошлый раз.

Мне горько оттого, что она мне не доверяет, что скрывает правду и идет на поводу у этих подлецов, но я это проглатываю. Притворяюсь, что верю. Улыбаюсь, ласково касаясь ее ладони. Шепчу, что всё будет хорошо. Сейчас не время ее мучить расспросами и упреками. Главное – чтобы она как можно скорее поправилась.

В палату заглядывает медсестра со стойкой капельницы и вежливо намекает, что мне пора уходить.

– Мне жаль, но уже поздно, – извиняющимся тоном говорит она. – Часы приема давно закончились, и вашей маме пора отдыхать.

– Да, конечно, уже ухожу, – поднимаюсь я.

– Жень, – ловит мою руку мама, – завтра после школы приходи. Сможешь? Разговор есть...

– Да, мам, конечно, приду.

4. Женя Гордеева

Кроме мамы на этом свете у меня никого нет.

И у нее, кроме меня, тоже никого не осталось с тех пор, как два с половиной года назад нелепо и бессмысленно погиб Игорь, мой старший брат. Разбился на мотоцикле.

Как сейчас помню тот день, до минуты. Может, еще и потому каждая деталь врезалась мне в память, что мы с ним перед этим крупно поссорились. «Сволочь ты» – последние слова, что он от меня услышал...

Было воскресенье. В распахнутое окно врывался теплый ветер, раздувая занавеску как парус и наполняя дом запахами черёмухи и детскими криками со двора.

Мы с мамой сидели на кухне. В четыре руки лепили булочки с вишневым джемом и выкладывали на противень.

Мама рассказывала очередную историю про свой любимый одиннадцатый «А». В то время она еще работала учителем математики в нашей районной школе. А я с интересом слушала.

Игорь тогда ровно месяц как вернулся из армии. И весь этот месяц он каждый день отмечал с друзьями свой дембель. Приходил только под утро. Точнее – приползал на автопилоте. Спал до полудня, вставал, обшаривал все возможные места в поисках мелочи. Или выпрашивал у мамы «подлечиться немножко». И уходил. До следующего утра.

Мама в нём души не чаяла и на всё закрывала глаза. И за попойки даже не ругала, только жалобно просила, чтобы он как-то притормозил уже и работу хоть какую-нибудь нашёл.

Я тоже, конечно, Игоря любила. Однако страшно злилась на него за его загулы и безалаберность. Он же маму этим расстраивал.

Несколько раз, когда удавалось поймать его более-менее вменяемым, взывала к совести, на что Игорь беззаботно отвечал:

– Тихо-тихо. Разошлась тут! Это я тебя, мелкая, должен воспитывать, а не наоборот.

– Ты-то бы навоспитывал... – огрызалась я. – Я серьезно, Игорь. Хватит мучить маму!

Брат только отмахивался.

Сколько помню, Игорь вечно вступал в какие-то дурные истории. Он и в армию пошёл вместо института, потому что иначе мог сесть за драку. И друзья его такие же – оторви и брось. И даже хуже. Игорь хотя бы среднюю школу закончил неплохо.

А в тот день он, уходя, сообщил, что пошел устраиваться на работу. Снова выманил денег. И не мелочился, как обычно. Половину маминой зарплаты запросил. На медкомиссию, на новый костюм («не в спортивке же идти!»), что-то еще там придумал. Наплел, конечно, с три короба. Я-то не мама – я всегда сразу видела, когда он врет, но сдавать его не стала. Думала, потом ему предъявлю, не при маме.

А мама так обрадовалась, что охотно дала даже больше, чем он просил. И Игорь взял, не постеснялся.

Я потом вышла за ним в подъезд.

– У тебя совсем стыда не осталось? – зашипела ему в спину. – Мама хотела коронки себе сделать, копила долго... Ей новые туфли нужны, новое пальто... Видел, в чем она ходит? А ты ее обираешь!

Игорь вздрогнул, испуганно посмотрел за мою спину – нет ли там мамы. И этот трусоватый взгляд только подтвердил мои подозрения – нет никакой работы, всё он врёт. Позже я узнала от его друзей, что Игорь продул кому-то в карты и поехал отдавать должок. Но и тогда, еще ничего не зная, поняла, что братец опять влез во что-то сомнительное.

– Что ты несешь? Сказал – отдам, значит, отдам, – занервничал Игорь. – Мне для дела надо. Потом куплю ей и пальто, и туфли. И тебе, злючка, что-нибудь куплю. Может, хоть подобреешь.

– Для какого дела? – пропустив мимо ушей его пустые обещания, спросила главное. – Мне ты можешь не рассказывать про свою мифическую работу.

– Не суй свой нос, мелкая, куда не просят. Поняла? А то как бы не прищемили...

Игорь пошел на выход, а я бросила ему в спину:

– Сволочь ты. Дурак и сволочь!

Вернулась домой, а мама уже тесто вдохновенно замешивает. Решила порадовать Игоря, раз он такой молодец, и ис-

печь свои фирменные булочки с вишней – брат их очень любил.

Я стала помогать. Смотрела на нее – а она радовалась, как маленькая: «Видишь, Женя, вот и Игореша за ум взялся». Я кивала: «Да, мама», а сама думала: «Сволочь, сволочь, сволочь».

Знала бы я тогда...

Мы с ней как раз только поставили противень в духовку, когда в дверь сначала позвонили, а потом начали тарабанить.

Мама торопливо вымыла руки, сдернула с крючка полотенце и пошла открывать, вытирая их на ходу. Я тоже из любопытства высунулась в прихожую.

Это оказалась соседка с первого этажа, тётя Неля, мать Дениса Субботина, моего одноклассника.

Она, тяжело дыша, ввалилась в прихожую, и я сразу поняла: случилась беда. Лицо ее было перекошено до неузнаваемости. Она смотрела на маму безумными глазами и пыталась что-то сказать, но лишь сипела, подергивая нижней губой.

Мама воскликнула взволнованно:

– Неля, что случилось? Говори! Не молчи, Неля!

Соседка, глядя на маму, глухо завывала, но потом все же смогла выдать из себя несколько слов:

– Беда, Валюша, беда... Я там шла... Игорь там... он разбился...

Мама издала жуткий, сдавленный крик и, оттолкнув со-

седку, выбежала из квартиры, как была, в тапках, халате и фартуке. Я – за ней, только взяла ключи и дверь захлопнула. И уже во дворе со стороны дороги услышала истошный мамин крик: «Нееееет!».

5. Женя Гордеева

После похорон Игоря мама слегла. Сначала – с нервным срывом, потом её разбил инсульт, и половина лица онемела. Преподавать она уже больше не могла – сильно пострадала речь. Даже сейчас, спустя два с половиной года, мама говорит очень плохо, посторонние ее едва понимают. А тогда она могла только мычать.

После длительного больничного ей пришлось уйти на пенсию. Несколько месяцев она безвылазно сидела дома. Нам помогали – соседи, коллеги, друзья Игоря и даже родители ее выпускников.

Я и сама немного подрабатывала после уроков в доставке. Но мы все равно едва сводили концы с концами. Половина уходила на лекарства – ноотропы, антикоагулянты, статины, препараты от давления... Список был такой огромный, что я поначалу боялась забыть или напутать, когда какое давать.

А прошлой осенью к нам в гости пришли мамины бывшие ученики. Несколько человек из ее самого первого класса, в котором она вела сразу после института. Мама их так и звала всегда: «Мои первые ребята». Хотя этим ребятам было уже за тридцать.

Они пришли поздравить ее с Днем учителя. Принесли торт, цветы, конфеты. Я видела, что маме было неловко перед ними – они ведь помнили ее молодой, красивой и пол-

ной сил. А тут вдруг увидели перед собой рано постаревшую, измученную болезнью женщину. Особенно она стеснялась своей невнятной речи и поэтому все время молчала, лишь мне изредка подавала знаки, типа, предложи чай, принеси салфетки.

Им, конечно, тоже было не по себе. Я это видела. Слишком уж старательно они делали вид, что не замечают, как сильно она изменилась. Лишь один из них, холеный мужчина, полностью лысый, в явно дорогом костюме, не утруждал себя притворством. Ничего не говорил, но разглядывал нашу скромную обстановку с легкой брезгливостью, к чаю даже не притронулся и на маму взирал с выражением: «Боже, что с вами стало, Валентина Павловна...».

Это и был Марк Сергеевич Платонов.

Посидели они у нас совсем недолго, от силы полчаса, и быстренько сбежали. Однако через два дня этот самый Платонов снова к нам наведлся.

Они разговаривали с мамой в большой комнате, за закрытой дверью, но я подслушивала. Точнее, он говорил, а мама лишь изредка подавала голос.

– Я, Валентина Павловна, работу вам хочу предложить. И не где-нибудь, а в нашей гимназии! – Последнюю фразу он так горделиво произнес, будто это Кремль, а не какая-то частная школа для богачей. – Вы же знаете, ну, наверняка слышали, что к нам так просто не попасть. Да вообще почти невозможно попасть. Даже меня в свое время взяли нехотя.

Притом что я блестяще закончил университет в Массачусетсе.

Вот хвастун, хмыкнула я про себя. Про Массачусетс он тоже произнес с большой гордостью и выждал небольшую паузу. Наверное, чтобы мама заценила. Потом продолжил:

– Ну и в Совете директоров гимназии был давний знакомый отца... помог немного... И то! Еле-еле взяли. Отбор строжайший. Потому что... ну, сами понимаете, кто у нас там учится... чьи дети... Поэтому к персоналу такие высокие требования. Без шуток, у нас работают лучшие из лучших. Преподаватели все сплошь с учеными степенями. Физкультуру ведут вчерашние чемпионы... ну там в разных видах... плавание, гимнастика, фехтование... Да даже в столовой знаете у нас кто? Бывший шеф-повар «Клермонта»! И сама столовая... не во всяком ресторане так...

– Спасибо, Марик, но я... я же не смогу, – медленно, с трудом проговорила мама. – Как я объяснять б-буду? Я так плохо г-говорю...

– А что там объяснять...? Ой, я не сказал сразу, и вы меня не так поняли. Я вас не преподавать приглашаю, конечно же. У нас появилась вакансия технического персонала. Ну, уборщицы, простыми словами.

– Уб... уборщицы?

– Я всё понимаю. Понимаю, что с вашим педагогическим талантом, с вашим опытом... это, скажем так... ну, не совсем ваше. Но, как я понял, преподавать вы уже не можете. Речь

вот у вас... сами говорите... А пенсия наверняка гроши. И дочь ещё поднимать на ноги. Да и вообще, всё это предрас- судки. Главное, вам ведь нужны деньги, так?

Я представляла, каково было в тот момент маме. Мне и самой не по себе сделалось.

– Валентина Павловна, давайте так, я вам просто скажу, сколько получает у нас технический персонал, а вы подумаете? Семьсот-восемьсот долларов в месяц в зависимости от нагрузки. Нагрузка у вас, конечно, будет минимальной, учитывая перенесенное заболевание. Но все равно, наверное, раза в два, а то и в три больше вашей пенсии. Ладно, пенсии... А в вашей школе сколько вам платили? А у нас и условия... нигде таких нет. И питание бесплатное, и полис ДМС. И транспорт у нас свой. Утром привозят, вечером увозят. И учеников мало, в каждом классе не больше десяти. Да и работа – ну что там? Совершенно простая. Это не как в обычной школе с ведрами и швабрами таскаться... У нас уборщицы с тележками, всё технологично, модно, удобно. Ой, простите, Валентина Павловна, мне уже ехать пора, опаздываю... Вот, оставляю вам наш буклет, посмотрите, полистайте, подумайте. А позже созвонимся, хорошо?

Я не слышала, что ответила мама, но Платонова ее ответ удовлетворил.

– Вот и ладненько. Тогда позвоню вам завтра-послезавтра. Между прочим, на эту вакансию очередь огромная, а я сразу о вас подумал...

Потом я, конечно, отговаривала маму. Ну какая ей работа? Пусть даже «совершенно простая», как сказал Платонов. Ей беречься надо, отдыхать.

Но она порой могла быть очень упрямой.

– Женья, нам очень нужны д-деньги, – говорила мама, нервничая.

– Я могу...

– Не можешь. Т-ты д-должна учиться.

Первое время после того, как мама устроилась в гимназию, она с воодушевлением рассказывала, до чего же там чудесно. Какие у них необыкновенные классы, какое суперсовременное оснащение, какое там вообще всё крутое.

– Вот бы ты там училась, – мечтательно вздыхала мама.

И вот сегодня я сижу в маминой палате, держу ее за руку и притворяюсь, будто ничего не знаю, пока она пытается сказать, что благодаря стараниям Марка Сергеевича меня берут в гимназию. Бесплатно. Этаким акт невиданной щедрости. Рядом с видом благодетеля стоит сам Платонов и кивает в такт ее словам. Он тоже не подозревает, что я вчера слышала всё.

– Жень, это реально шанс один из тысячи! – подхватывает он. – Ты потом сможешь гарантировано попасть в любой вуз, в какой только пожелаешь. На бюджет. У нас контракты с лучшими вузами страны... Ну или поехать учиться за границу. Тут уже всё от тебя зависит.

Парадокс, но все трое мы врем друг другу в глаза и все трое делаем вид, что друг другу верим.

Я благодарно ему улыбаюсь. Скромно бормочу:

– Спасибо. Не могу поверить...

А мама тихо шепчет:

– М-марк Сергеевич п-поможет и с переводом, и вообще... Ты только, Женечка, учись... Не уппусти шанс...

– Конечно, – заверяю ее. – Ни за что не упущу.

6. Стас Смолин

– После ужина зайдешь ко мне, – приказывает отец, придавив взглядом так, что у кого-нибудь другого стейк встал бы поперек горла. Но у меня, к счастью, на отцовские взгляды и все прочие методы воздействия давно выработался иммунитет. – Ключи отдам. Неделя прошла.

Он имеет в виду ключи от Порше – его подарок мне на восемнадцатилетие.

Щедрый подарок, но есть нюанс. Я не хотел Порше. Тем более спорткар, тем более красный. Но отец считает, что ему лучше знать, что я хочу. Поэтому, когда он в наказание забрал на неделю ключи, я подумал: «Да хоть на год забирай».

Сонька, сестра, мы с ней близнецы, поворачивается ко мне с радостной улыбкой.

– Здорово, – щебечет она. – Да, Стас?

– Ничего здорового тут нет! – грозно рявкает отец, резко отбрасывая вилку так, что прислуга испуганно вздрагивает, а у Соньки тотчас бледнеет и вытягивается лицо. Отца она боится. До сих пор, хотя столько лет прошло...

Только Инесса, наша с Сонькой мачеха, никак не реагирует, ну и я, пожалуй, хотя его рёв по мою душу.

– Ты – наглый, избалованный, безответственный мальчишка! – продолжает он клокотать. – Мне вот где уже твои

идиотские выходы!

Отец коротким резким взмахом проводит ребром ладони под кадыком.

– Еще одно такое выступление – и ты отправишься к матери насовсем! Ясно?

Он на секунду замолкает перевести дух.

– Пап, ну ты что? – звучит Сонькин дрожащий голосок. – Всё же обошлось.

– Обошлось?! Да эта поломойка чуть не сдохла по его милости! Вы своими дурными мозгами хоть представляете себе, во что бы это всё вылилось? В какой позор для меня? В какие проблемы? А сколько бы людей мне пришлось напрягать, чтобы всё это замять! И замяли бы или нет – вовсе не факт. Еще и этот ваш... молокосос Платонов посмел отчитывать меня как мальчика. Меня! После всего, что я для этой гребаной гимназии сделал!

Отец разошелся не на шутку.

– Так что, Стас, я не шучу. Терпение мое кончилось. Всё! Еще один подобный эпизод, и ты действительно поедешь жить к матери. И от меня больше не увидишь ни помощи, ни поддержки, ни денег, ни-че-го. Понял? Понял, я тебя спрашиваю? Я с кем разговариваю? В молчанку с отцом решил поиграть?! Не наигрался еще?! – заходит он на новый круг.

Я неторопливо прожевываю кусок стейка, равнодушно наблюдая, как у отца трясутся от ярости щеки. И за мгновение до взрыва спокойно отвечаю:

– Даже и не думал. Когда я ем – я глух и нем.

Отец раздувает ноздри и еще несколько секунд испепеляет меня взглядом, потом медленно сдувается. Только бурчит под нос:

– Смотри, допрыгаешься ведь. Тебя, Софья, это тоже касается. Оба отправитесь к своей мамаше.

Меня такими угрозами не пронять, я к матери и так тайком наведываюсь время от времени, а Сонька сразу съеживается и опускает глаза в тарелку.

Инесса сидит по-прежнему с непроницаемой физиономией, но в глазах на миг вспыхивает злорадство. Мы с Сонькой ей тут как кость в горле.

Когда она появилась тут два года назад в качестве очередной новой жены, уже третьей после матери, то с первых же дней принялась капать на нас отцу. Особенно – на Соньку. То она ей хамит, то трогает ее вещи, то еще как-то портит жизнь.

Отец реагировал на ее жалобы в своей манере: дарил что-нибудь шикарное Инессе, чтоб утешилась, а на нас, не разбираясь, орал и заставлял просить у нее прощения. А не так давно она осчастливила отца новостью о том, что беременна. И теперь отец с ее подачи все чаще грозит отправить нас к матери, хотя раньше почти не позволял даже встречаться с ней.

– Кстати, – продолжает отец уже спокойнее. – Дочь этой

самой полоймойки с завтрашнего дня будет учиться в вашем классе.

– Как? – вскидывается Сонька и переводит ошарашенный взгляд с отца на меня и обратно.

– А вот так! – изрекает отец. – Платонов сказал, что только так удалось договориться с ней.

– Договориться? С ней? О чем с ней договариваться? Пап, ты ее видел? Косая, кривая, корявая, бррр... А как рот откроет – вообще атас. Что-то там мычит, квакает... Кто вообще к нам взял это убожество? Еще с ней договариваться...

– Идиотка! – обрывает ее отец.

– Ну ты же сам сказал, – жалобно скулит Сонька, вбирая голову в плечи, – что всё обошлось.

– Я сказал, что она, слава богу, жива осталась после ваших развлекалок! Но чтобы она помалкивала о том, что случилось, и не сдала кое-кого, – метнув в меня злобный взгляд, цедит отец, – директору пришлось взять ее дочь на учебу в гимназию. За наш счет.

– Фу-у, – кривится Сонька. – Реально дочь этой убогой будет с нами учиться? Серьезно? Какое дно... Даже есть расхотелось... Блин, пап, и ничего нельзя сделать? Ты же всё у нас можешь...

– Можно! Вести себя нормально! – не ведется отец на Сонькину лесть. – Или вон Стаса отправить под суд. Восемнадцать уже есть, так что пусть отвечает. Такая перспектива вас устраивает?

Сонька с несчастным видом быстро качает головой.
– Нет? Тогда сидите и молчите!

7. Стас Смолин

Вместе с ключами отец возвращает мне и карту, которую тоже на неделю забирал. Молча выкладывает всё это из сейфа на стол, небрежным кивком указывает, типа, забирай и вали.

– Домашний арест, так понимаю, тоже окончен? – спрашиваю его. – Можно на волю?

Отец моментально вспыхивает, багровеет, набирает побольше воздуха и, пока его опять не прорвало, я быстро забираю свое добро и сматываюсь, напоследок показав ему знак виктории.

В коридоре за дверью отцовского кабинета меня поджидает Сонька, вся в переживаниях.

– Ну что? Не ругался больше?

– Тшш. Внимание... – смотрю на сестру с азартом и поднимаю палец, призывая ее помолчать.

И в следующий миг из кабинета раздается отцовский рык:

– Вот же чертов щенок! Паршивец! Я тебе покажу волю...

Беззвучно смеясь, мы сваливаем подальше.

– Стас, а поехали в «Риот»? Там все наши собрались. Звонили уже, нас ждут. Отпразднуем заодно твоё возвращение в строй, – Соня цепляет меня под локоть и тянется за мной, пока я сворачиваю на лестницу и поднимаюсь на второй этаж, к себе. – Заодно расскажем им новость...

– Какую?

– Ну как? Ты забыл, что ли, какая радость привалила? Ну, про дочку уборщицы... Надо же с этим что-то делать...

– Не-е-е, – лениво тяну я. – Сегодня никуда неохота. У меня катка.* Мы еще вчера договорились.

Я не большой фанат сетевых побоищ, но иногда спустить пар помогает, особенно когда у тебя очередной домашний арест и всё вокруг бесит.

– Да ты и так всю неделю в игре зависаешь... – Она заходит следом в мою комнату и плюхается поперек кровати.

– Угу, – на автомате соглашаюсь я, запуская игру вместе с игровым чатом.

Как обычно во время командного поединка в чате кипят страсти – пацаны рассказывают на матах, как будут друг друга драть. Я тоже вставляю свои пять копеек, чисто потроллить некоторых самых буйных, но затем рядом подсаживается Сонька, и я сворачиваю чат. При ней я типа не выражаюсь.

– Ну поедem в клуб? – льнет Сонька. – Ну, Ста-а-ас... Ну, пожалуйста... Все там... все нас ждут... Мне так грустно...

Вздыхнув, смотрю, как монстр возносит надо мной клинок и вырубая игру. Разворачиваюсь вместе с креслом к ней.

– Ладно. Только ты никуда не встречаешь, – диктую ей условия, – пьешь один сок, отношения ни с кем не выясняешь и от меня ни на шаг...

– Будет сделано, мой командир! – рапортует довольная Сонька, прикладывая ладонь к виску. – И если ты про Ша-

манского, то я с ним порвала!

– Надеюсь, – отвечаю, сразу мрачней. – А то я сам его порву.

Шаманский пáрил моей Соньке мозг последние года два. Я говорил ей, что с ним ловить нечего, но она заверяла. «Стас, ты ничего не понимаешь! Мы с Алексом любим друг друга. Ты всех по себе равняешь. А если бы ты когда-нибудь кого-нибудь любил, ты бы меня понял...».

После этой любви Сонька почти неделю была белугой, ничего не ела и обещала умереть. Еле ее в чувство привел.

Сам Шаманский жив до сих пор только потому, что ума хватило ее не тронуть.

Поднимаюсь с кресла, беру телефон. Сонька в ажиотаже подсказывает и, пританцовывая, выходит следом.

В «Риоте» уже собрались все наши: Милош, Рус, Влад, Алка и, само собой, Яна. Ее старшему брату принадлежит этот клуб, куда простым смертным вход заказан, за что мы и уважаем это место.

– Оу, на свободу с чистой совестью? – встречают меня наши.

– Наконец-то, Стас! – воркует Яна. – Мы уже заскучали! А ты соскучился?

– Безумно, – улыбаюсь я.

– Батя у вас, конечно, жестит, – хмыкает Влад. – Я вон

вообще летом тачку отца разбил в хлам. Нулевую! Так он и то... ну, повзбучал и всё. А тут... из-за какой-то старой дуры...

– Именно! Ну, реально, что такого, да? Прикололись немного и всё... Кто виноват, что эта убогая такая припадочная? С чего вообще к нам стали брать каких-то фриков?

– Да! – с жаром подхватывает Сонька. – Я тоже офигела, когда папа так вызверился на Стаса из-за этой старой коряги. Это же обычный прикол... Еще и Платонов такой типа: она из-за него теперь плохо говорит и еле ходит. В смысле, из-за него?! А до этого она что, песни пела и бегала? Нормально придумала, да? Свалить на Стаса всё... Но! Вы еще не знаете главную новость. Это просто атас...

Наши сразу затихают.

– У нее, оказывается, есть дочка. Как мы возрастом. И эта коряга шантажом заставила Платона взять ее к нам. В наш класс. Бесплатно. Прикиньте, ушлая какая? Судом грозилась. И теперь дочурка этой убогой будет учиться с нами, сидеть с нами, блин... есть с нами...

– Они там совсем с ума посходили? – возмущается Яна. – Мы платим бабки за то, чтобы не учиться в этих бомжатниках. Так они решили сделать бомжатник у нас? И что, никто не против?

– Мы – против, но нас как бы не особо спрашивают. Папа вообще разорался...

– И когда это чудо к нам заявится?

– Уже завтра! – восклицает Сонька и переводит обеспокоенный взгляд на меня. – Стас, ну что ты молчишь? Она не должна у нас учиться. Не должна!

– Значит, не будет, – пожимаю я плечами.

– Как?

– Сама уйдет. Сбежит. И месяца не продержится.

Сонька несколько секунд смотрит на меня, соображая, потом удовлетворенно улыбается в ответ.

– Мне уже жалко эту дурочку, – вздыхает Алка. – Но она сама виновата. Пусть спасибо скажет своей убогой мамаше.

– Слушайте, а это даже забавно будет, – хмыкнув, изрекает Влад. – Что-то новенькое... типа охоты, а?

– Так она уже завтра придет? – уточняет Яна. – Тогда устроим ей незабываемую встречу?

– Непременно, – подмигиваю я ей.

* катка - на молодежном сленге прохождение игры.

8. Женя Гордеева

– Женька, нафига тебе эта мажорская школа? – чуть не плачет Леська. Леся Кудряшова. Мы с ней дружим со второго класса.

– И правда, Женька, что за бред – переводиться за девять месяцев до выпускного? – подхватывает Юрка Осокин и косятся на Дэна.

Мы почти всем классом сидим на длинной скамейке возле школы. То есть, мы, девочки, сидим, а наши парни стоят полукругом рядом.

Наши уговаривают меня остаться. Даже Олег Хоржэн, наш компьютерный гений, из которого обычно слова не вытянуть, тоже подхватывает:

– В самом деле, Жень, с чего ты вдруг решила перевестись? Зачем? Оставайся...

Единственный, кто молчит, это Дэн. Денис Субботин. Взирает на меня исподлобья, как на предательницу, и ни слова, ни полслова за целый день. Когда я сегодня утром сказала, что перевожусь в Измайловскую гимназию, он будто заледенел и до сих пор не оттаял.

Остальные сначала не поверили. Еще бы. Я могла с тем же успехом сказать, что отправляюсь на Луну.

Потом на географию, минут за пять до звонка, явилась Ольга Васильевна, наша классная. Сообщила, что завтра мы

дежурим по школе вместо 10 «В», ну и заодно толкнула короткую речь: типа, вот узнала новость, расстроилась, но безмерно рада за Женю Гордееву, ведь это такие перспективы...

Наши сразу вскинулись: значит, это правда? Правда? Но как?!

Я лишь загадочно улыбалась. Но на самом деле – это лишь хорошая мина при плохой игре. Как же я не хочу никуда уходить! До слез. Не хочу расставаться с нашими, с Леськой, с Дэном. Кто бы знал, как я уже ненавижу эту Измайловскую гимназию и всех, кто там учится. Но я же не успокоюсь, пока не выясню, кто тот подонок, который издевался над мамой, я себя знаю.

И сейчас я с тоской оглядываю родной школьный двор, пожухлые тополя и крохотные елочки, которые мы высаживали в позапрошлом году. Нащупываю пальцами на скамейке возле самого бедра знакомые неровности – вырезанные ножичком буквы Ж+Д. Это вырезал Дэн, кажется, года два назад. Улыбаюсь ему виновато, но он еще больше мрачнеет и отворачивается.

– Реально, Женька, что ты там забыла? – спрашивает Вадик Шмелев. – Там же одни ушлепки охреневшие учатся. И вообще ничего особого там нет. Одни тупые понты. За эти понты они и платят... сколько? Лям в год?

– Полтора, – поправляю я.

Шмелев, да и остальные красноречиво закатывают глаза.

– Капец! С ума они там сошли, что ли?!

– Ничего ты, Вадя, не понимаешь, – шутливо заявляю я и достаю из сумки буклет Платонова. Разворачиваю глянцевые страницы и зачитываю вслух: – Измайловская гимназия была основана в 1877 году Климом Измайловым, крупнейшим золотодобытчиком и меценатом. Так... про прошлое неинтересно. Вот! Сегодня Измайловская гимназия входит в тридцатку лучших частных учебных заведений страны, обеспечивая широчайший спектр образовательных программ. Наша гимназия – это сочетание новейших технологий, современного оснащения и вековых традиций. Мы стремимся к новому, сохраняя лучшее. О как! Наши ученики получают всестороннее развитие и ежегодно показывают превосходные результаты на предметных олимпиадах. А наши выпускники по результатам внутренних экзаменов становятся студентами самых престижных вузов в России и за рубежом... Так... что тут еще? Условия... питание... сильнейший преподавательский состав... углубленное изучение различных дисциплин... О! Измайловская гимназия сертифицирована Кембриджским университетом для сдачи международных экзаменов по английскому языку... В классах обучается не более десяти человек, чтобы преподаватель мог в полной мере уделить внимание каждому ученику.

– Ага, – хмыкает Юрка Осокин. – Да по ходу, больше просто не набралось, если обучение в этой чудо-школе стоит полтора ляма в год. Блин... полтора ляма... за какую-то школу... Бред!

– Мы находимся, – продолжаю я чтение, – в Серебряном бору. Это экологически чистое, живописное место на берегу Кайского озера. Ребят, ну вы только посмотрите, какие лапочки.

Показываю нашим разворот буклета с фото: синее небо, яркая зелень, красивый особняк вдали. А на переднем плане – несколько парней и девушек в форменных белых рубашках и жилетках с эмблемой гимназии. И все улыбаются белозубо и счастливо.

– Эти лапочки тебя сгрызут, – фыркает Вадик Шмелев. – Проглотят и не подавятся.

– И умрут в адских муках от жёсткого отравления, – перевожу я в шутку. Не хочу, чтобы наш последний день был грустным.

Наши усмеваются, кроме Леськи. Она со слезами выстывает:

– Женька, ну нафига тебе это надо? Ты и без этой ср*ной гимназии поступишь на свой физмат!

– Лесь! Ребят! Ну вы чего? Я же не в Америку уезжаю. Будем так же видеться. Хоть каждый день... после уроков... Ну!

– Пойдемте, что ли, в «Карамели» посидим? – предлагает Шмелев. – У кого сколько есть?

Народ начинает выгребать мелочь из карманов.

– Я – по нулям, – разводит руками Юрка Осокин.

– У меня пятихатка, – достает пятисотенную купюру Ваня

Дубов. – Но мне с нее надо купить хлеба и молока.

– Дуб, давай я тебе разменяю, – предлагает Шмелев.

Помню, в начальных классах кто-то из наших мальчишек, услышав его фамилию, назвал Ваньку Дубом. Остальные как мартышки подхватили. Дразнили его на перемене. Ванька сердился, кидался с кулаками то на одного, то на другого. А после уроков, когда все ушли, плакал в коридоре. Я потащила его к себе домой. Помню, мы с ним бесились как ненормальные, играли в жмурки, в прятки, в горячо-холодно до самого вечера. Потом мы с Игорем пошли его провожать. Ну и заодно я сказала Ваньке, что Дубом быть вообще-то круто. Что его так зовут не из-за фамилии, а потому что он в классе самый большой и самый сильный. Могучий и крепкий. Как дуб. А Игорь подтвердил. На удивление, Ванька нам сразу поверил и успокоился.

Ванька и правда всегда был выше всех, а сейчас и вовсе за два метра вымахал. И кулачищи у него с мою голову. Его так и зовут Дубом, но лишь потому, что он это позволяет. Теперь с нашим Ваней шутки плохи.

– Не надо никому ничего разменивать, – вмешивается Олег Хорж́ан. – У меня есть деньги. Я угощаю.

9. Женя Гордеева

После уроков мы часто зависаем в «Карамели». Это ближайший от школы торгово-развлекательный центр. Тусим там, когда у кого-то из наших день рождения, или просто так, без особого повода. У нас даже есть любимое место: угловой диван в дальнем конце фудкорта.

Мы заваливаемся шумной толпой, сдвигаем несколько столиков и рассаживаемся. Хорж́ан с Вадиком Шмелевым и Денисом идут к терминалам заказа и спустя несколько минут возвращаются с подносами, полными еды.

– Разбирайте, кому бургеры, кому крылышки... – командует Шмелев. Наши жадно набрасываются на еду, особенно парни. Мы с девчонками угощаемся только картошкой фри.

– Олег, мы точно тебе ничего не должны? – спрашивает Леся.

– Да, Икс, может, всё же скинемся... – предлагает Дэн.

У Хорж́ана очень лаконичная подпись – всего одна буква, первая от фамилии: «Х». Кто-то когда-то это увидел и прилепил ему прозвище Икс.

– Перестаньте, – отказывается Хорж́ан. – Я же сказал, деньги у меня есть. Всё. Не заморачивайтесь.

– А откуда у тебя бабло? – с набитым ртом спрашивает его Осокин.

– Да так... – мнется Олег. – Ну, взломал вчера контакт

какого-то парня... на заказ.

– Оу! – восклицают наши хором. – А кто его заказал?

– Да девушка какая-то... подруга, наверное... или жена... я не интересовался.

– Фигасе, бро! Это как-то вообще не айс. Где твоя мужская солидарность? Вдруг ты пацанчику жизнь сломал? – начинают глумиться наши.

Я, может, тоже от такого не в восторге, но со своим мнением не лезу.

– Да я не хотел... отказывался... Но...

Олег густо краснеет и замыкается.

Он и так типичный интроверт, ему в принципе с трудом дается общение. А наши его еще и троллят, бестолочи. Не со зла, просто почему-то не понимают, что Хорж́ан их подколки воспринимает болезненно. Раньше он вообще ни с кем не разговаривал. Максимум – здоровался кивком. И в глаза не смотрел. А однажды, в восьмом классе, я случайно увидела, как его прессовали парни из десятого. Попросила вступить за него Ваньку Дубова. Подтянулись и остальные наши мальчишки. После этого больше к Олегу не цеплялись. Ну а он, видать, расчувствовался и потихоньку начал с нами контактировать. Но ему все равно тяжело. Шуток он совсем не понимает. Принимает всё за чистую монету, но и сам всегда искренен.

– Продался, да, Икс? – с усмешкой хлопает его по плечу Шмелев. – За грязные бабки продал мужика...

– Смотри, Вадик, не подавись курочкой, купленной за грязные бабки, – поддеваю я Шмелева. – Лучше спасибо скажите человеку, моралисты.

– Да всё нормально, Икс, не грузись. Это мы прикалываемся, – сразу идет на попятную Шмелев. – А ты че, реально можешь взломать любой аккаунт?

– Не любой, – скупно отвечает Олег и встает. – Ладно. Мне пора.

– Да куда ты? Икс! Ты чего, обиделся?

– Мне тоже пора, – поднимаюсь я вслед за Хоржанином.

– Блин, да вы чего? – возмущаются наши. – Только пришли...

– Мне к маме надо. Увидимся. Пока-пока! – старательно улыбаюсь я. Бросаю напоследок взгляд на Дэна, но он на меня не смотрит. Сидит мрачный, не поднимая головы. Обижен. Я с ним потом поговорю. Наедине. И всё ему расскажу. Он, я уверена, поймет.

От мамы приезжаю вечером. Захожу в подъезд и, помешав, иду сначала к Субботиным. Честно говоря, дома без мамы невыносимо. Пусто, тоскливо, горько. Натыкаюсь глазами на ее вещи и сразу плакать тянет. Мысли всякие плохие лезут в голову. И сами стены как будто давят со всех сторон.

Мне открывает мама Дениса, тетя Неля. Пытается затянуть меня на кухню покормить, но я всячески отнекиваюсь. Дэн же, гад такой, даже не выходит из своей комнаты, хотя

слышит, что я пришла.

Что ж, я не гордая, сама к нему захожу.

Он даже не оборачивается. Сидит, застыв перед компьютером, напряженный и хмурый.

Я плюхаюсь в кресло у него за спиной. Забираюсь с ногами. Гипнотизирую его затылок. Он все равно молчит. Будто меня здесь и нет.

– Денис, к тебе, между прочим, девушка в гости пришла, – пытаюсь я разрядить обстановку.

Молчит.

– Ты даже не здороваешься?

Молчит.

Вздохнув, поднимаюсь, подхожу к нему сзади, взъерошиваю короткие светлые волосы. Он дергается, как будто я его током ударила.

– Ладно. Не хочешь говорить – не будем. Сиди дуйся. Пойду тогда. Пока.

Дохожу до двери, уже берусь за ручку, и Дэн подает голос:

– Зачем ты переводишься?

Я останавливаюсь. Смотрю ему в глаза и думаю: рассказывать или нет? Почему-то расхотелось с ним делиться, но я же для этого к нему и пришла...

– Я должна.

– Что значит – должна? – Дэн по-прежнему сидит за компьютерным столом, только теперь развернулся всем корпу-

сом ко мне.

– Я должна выяснить, что там произошло.

– А что там произошло? – непонимающе хмурится Дэн.

– Вот это я и должна выяснить. Мама не просто так попала в больницу. Кто-то ее... – я пожимаю плечами, – ... сильно обидел. Я случайно подслушала разговор замдиректора. И он сказал, что кто-то из учеников что-то плохое ей сделал... довел как-то, поиздевался ли... он не уточнил, но именно поэтому у нее случился инсульт. Они хотят всё замять. И поэтому оплатили ей лечение, а меня приняли в гимназию. Типа вместо моральной компенсации. Но я согласилась только затем, чтобы всё выяснить. Чтобы узнать, кто это сделал.

– Так ты спроси у Валентины Павловны.

Я качаю головой.

– Нет... она... она не помнит.

– Женька, ну можно же придумать какие-то другие способы, – Дэн поднимается со стула и идет ко мне. А я стою, привалившись спиной к двери.

– Ну, какие? Кто мне иначе расскажет? Никто.

– Может, в полицию обратиться?

– И что сказать? Я тут случайно подслушала чужой телефонный разговор, из которого сама толком ничего не поняла, но кое-что заподозрила? Да меня обсмеют только. И потом, не забывай, кто там учится. Дети высокопоставленных чиновников и миллионеров.

– Жень, ну все равно не уходи...

– Я должна. Дэн, ну какая разница, где я буду учиться? Мы живем в одном доме. Мы и так не расстаемся. Будем так же вечерами встречаться.

– Не знаю... не нравится мне эта затея. И за тебя беспокоюсь... даже боюсь.

– Это ты зря. Я не пропаду.

Дэн вплотную приближается ко мне.

– Не пропадет она... Подцепишь там себе какого-нибудь мажорчика...

– Так вот в чём дело! – усмехаюсь я. – Так бы сразу и сказал. А то: боюсь, беспокоюсь...

– Беспокоюсь, конечно... – хрипло шепчет Дэн, прижимаясь ко мне всем телом. – И боюсь тебя потерять...

Скользит губами по мочке уха, по скуле, находит губы. И целует так, будто и впрямь я уезжаю навсегда.

Визуализация

Стас Смолин

Соня Смолина

Женя Гордеева

Денис

10. Женя

Серебряный бор, где находится гимназия, километрах в пятнадцати от города. Но поскольку не все работники имеют личный транспорт, в течение дня туда-сюда по расписанию курсирует автобус. Привозит и увозит таких, как моя мама – уборщиц, охранников, поваров, дворников. На нем теперь и я буду добираться до гимназии и обратно.

Единственное, что неудобно: на остановке я должна быть очень рано, в половине седьмого утра. Автобус ходит строго по часам и никого не ждет. Опоздаю – и всё. Следующий рейс только в одиннадцать. А занятия начинаются в девять.

Всю ночь накануне я не сплю. Как бы ни уверяла наших, что мне всё нипочем, я отчаянно трушу. Утешаю себя лишь тем, что, по сути, они ведь просто люди. А подход можно найти к любому. И не все наверняка такие же сволочи, как тот подонок.

Утром я как штык на остановке. Несмотря на бессонную ночь, бодрости во мне хоть отбавляй. А нервы натянуты как струны.

Наконец приезжает автобус. Я заскакиваю в салон, уже достаточно полный, здороваюсь со всеми и занимаю место рядом с молодой женщиной в плаще горчичного цвета. Минут пять она украдкой разглядывает меня, потом тихо спрашивает:

– А ты... дочь Вали?

– Да. А вы...?

– А я – Марина. Мы вместе работаем... работали. Как она?

– Пока не очень. Не встает даже. А... что всё-таки случилось? Вы знаете, кто с ней так поступил?

Марина сразу меняется в лице.

– Я ничего не знаю, – и тише добавляет: – И никто не знает. А даже если и знает, все равно не скажет.

– Почему?

– Потому что такая работа на дороге не валяется. И ты тоже... помалкивай, не лезь с расспросами, если хочешь здесь остаться. Пользуйся случаем. Не каждому так везет.

Затем она отворачивается к окну и до самого конца поездки молчит.

Да уж, нашла везение. Но в спор я не лезу. Надо хотя бы освоиться для начала.

Автобус въезжает на территорию гимназии и сбрасывает скорость. Я замороженно смотрю в окно. Буклет не передавал и половины местных красот. Идеальные газоны и ровные дорожки, фонари и подсветки, скамейки и фонтаны. А кругом темно-синие высокие пирамиды елей, еще пышная золотая листва кленов и ярко-зеленые безупречно подстриженные кусты.

Здание самой гимназии – трехэтажный замок с двумя башнями по краям – даже на расстоянии кажется вели-

чественным и прекрасным. К нему, правда, пристроены несколько современных корпусов из стекла и металла, но общий вид они странным образом совсем не портят.

Здесь так красиво и изысканно – даже не верится, что в таком месте может твориться всякая подлость, жестокость и грязь.

До уроков еще полтора часа, мне предлагают посидеть в столовой, выпить кофе, но я, поблагодарив, отказываюсь. На меня и так все смотрят как на какую-то дикувинку. Лучше прогуляюсь: и полезно, и приятно, и нервы успокою.

Успеваю обойти лишь малую часть территории, настолько она огромна, потом вижу, как одна за другой на парковку заезжают роскошные машины. Детей привозят на учебу.

Я тоже направляюсь к главному зданию, где уже сбиваются в маленькие группки мальчики и девочки разных возрастов. Мое появление не проходит незамеченным. На меня косятся буквально все, смотрят как на прокаженную, перешептываются, а когда прохожу мимо – замолкают. Не самое приятное ощущение. Но я с невозмутимым видом поднимаюсь по широкой мраморной лестнице и оказываюсь в просторном фойе. И куда идти дальше – понятия не имею. Спрашиваю у мимо проходящих девчонок, одних, других, но все они, будто сговорились, демонстративно меня игнорируют. С мальчишками – та же история.

Им всем, что ли, запретили со мной разговаривать?

К счастью, кружу я там недолго и вскоре натыкаюсь на

Платонова. В этих стенах он кажется еще более суетливым, но зато берется проводить меня в класс.

11. Женя

Мы поднимаемся на второй этаж и сворачиваем в широкий светлый коридор, стены которого сплошь из матового стекла. И двери тоже. Одну из них с надписью «Литература» Платонов широко распахивает, ухватив за длинную хромированную ручку, и пропускает меня вперед. Я переступаю порог и на секунду замираю, но он слегка подталкивает в спину. Я делаю еще несколько шагов и оказываюсь посреди класса словно под прицелом.

– Доброе утро, Алла, Яна, Стас, Соня, Милош... – приветливо и даже как-то подобострастно здоровается он с каждым.

– Здравствуйте, – лениво отвечают ему некоторые. Но все как один пялятся на меня. Разглядывают со смешанным выражением любопытства и презрения. Их, действительно, мало. Четверо парней и три девушки. Но негатив от них исходит такой мощный, что, мне кажется, я его физически ощущаю.

Боже, куда я попала...

– Знакомьтесь, это Женя... Женя Гордеева. Будет учиться с вами, – представляет меня Платонов и поспешно уходит.

– Какая радость, – язвит блондинка в розовом, единственная, кто здесь одет не по форме. Мысленно нарекаю ее Барби.

– Я тоже счастлива, – отвечаю ей с деланной улыбкой и слышу, как один из парней негромко и насмешливо бросает: «Идиотка». Другие на его реплику посмеиваются. Я же никак не реагирую, но его запоминаю. Высокий, темноволосый, даже, может быть, и красивый, но надменный взгляд и кривая ухмылка отталкивают напрочь. А ведь, может, это он и есть тот подонок...

– Стас, – обращается к нему симпатичная шатенка, чем-то внешне на него похожая. – Ну что, покажем ей наше коронное гостеприимство?

Губы его кривятся, но ответить он не успевает. В класс входит еще одна девушка. Стройная, с копной огненно-рыжих мелких кудряшек, уложенных на одну сторону.

Шатенка тут же переключается на нее.

– О, привет, тварь! – со злым азартом выкрикивает она. А потом достает изо рта жвачку и кидает в рыженькую. И попадает прямо в щеку. Ведь та не уклоняется, не отворачивается, а просто с какой-то унижительной покорностью вжимает голову в плечи.

Барби, третья девушка и парни наблюдают за этой сценой с глумливыми смешками. А мне противно и дико. Я не понимаю, что происходит.

– Подбери! – велит шатенка, указывая на белый комок на полу. Рыжая присаживается на корточки и подбирает жвачку.

– А теперь на лоб себе налепи, сучка!

Мне кажется, я попала в какой-то сюр. За что они так с ней? Как вообще так можно унижать человека... тем более девушку?

– Соня, хватит, – вдруг вмешивается тот брюнет.

– Стас, да ей мало... – шипит она.

– Я сказал – хватит! – повышает он голос. – Потом поговорим.

Она раздосадовано вздыхает, но оставляет рыжую в покое. Та проскакивает в конец класса и занимает стол в углу. Помешкав немного, я тоже прохожу и сажусь за соседний от нее стол.

– Эй, а ты куда уселась? – цепляет меня эта самая Соня.
– Тебе никто разрешения не давал.

– Я как-нибудь без него обойдусь, – спокойно отвечаю ей.

– А ну быстро вернулась обратно и попросила у нас позволения пройти! – заводится Соня. – Если хорошо попросишь, может, мы и разрешим.

А мне то ли от нервов, то ли от абсурдности происходящего становится смешно. Я сдерживаюсь, но все равно прорывается.

– Спасибо, я лучше тут посижу.

– Лучше бы ты вообще отсюда свалила, – влезает Барби.
– А еще лучше – даже и не появлялась бы.

– Реально, что ты у нас забыла? – обращается ко мне третья девушка. – Нахрена ты сюда приперлась, убогая?

– Получать всестороннее развитие и глубокие знания на

базе передовых технологий, – цитирую я фрагмент из буклета.

– Она реально идиотка...

К счастью, в девять ноль-ноль в класс входит преподаватель и прекращает нашу беседу. Он так увлеченно рассказывает о Куприне, что перед глазами встают картины как живые. Я заслушиваюсь и даже забываю, где я, зачем здесь...

Остальные уроки тоже проходят динамично и увлекательно. В одном Платонов не врал – преподаватели в этой гимназии и впрямь замечательные.

Что странно, во время перемен ко мне больше никто не подходит. Они как будто вообще меня игнорируют, и я допускаю чудовищную ошибку – расслабляюсь.

После уроков я иду в сторону парковки, там, где останавливается автобус гимназии. Но его пока нет, и я просто стою и жду, надев наушники и наслаждаясь музыкой, солнцем, еще теплым ветром и свежеспряными запахами.

А потом вдруг чувствую, как кто-то берет за локоть и в то же время вынимает у меня один наушник. Вздрагиваю, испуганно оглядываюсь – это Стас. И рядом еще трое парней. Их имена я пока не знаю.

Стас рывком разворачивает меня к себе и, кривя губы в ухмылке, говорит:

– Прокатимся?

Я замечаю сразу за его спиной красный Порше 911. Уж не тот ли, под который я чуть не угодила? Что-то мне подска-

зывает – именно тот. Только сейчас крыша у него опущена.

Не успеваю я ничего ему ответить, как он, стиснув руку до боли, тянет меня к спорткару.

– Отпусти! Я никуда с тобой не поеду! – упираюсь я, но силы, конечно, не равны.

– Да кто тебя спрашивает, – хмыкнув, распахивает дверцу и грубо толкает меня на сиденье рядом с водительским.

12. Женя

Втопив педаль газа, Стас резко срывается с места, так, что меня буквально вжимает в спинку сиденья. Окно с его стороны опущено, и он пристроил там свой локоть. Второй рукой небрежно держит руль.

Мы проносимся, не сбавляя скорости, мимо охранной будки и ворот гимназии. Мелькает отчаянная мысль: «Может, подать им сигнал? Спасите-помогите? Только что они сделают, когда даже заместитель директора перед этими детишками пресмыкается?».

Пока я соображаю, мы уже мчимся по трассе и отнюдь не в сторону города. За нами хвостом едет еще одна машина – серебристый мерс. Видимо, там остальные мои одноклассники. Как же мне все это не нравится!

Черт, надо же было так попасть! Так глупо и бездарно...

Куда он меня везет? Зачем? Явно не для простого разговора. Что он собирается сделать? Завезти в лес и там бросить? Поиздеваться? Наверняка. Только бы никакого насилия...

Я стараюсь не поддаваться панике, но, конечно же, внутри просто умираю от страха. Как могу, утешаю себя. Убить – они меня не убьют. Даже для них это слишком. И потом, все-таки этот Стас не настолько отбитый отморозок, как та же Соня. Он ведь ее остановил, когда она унижала рыжую.

Значит, не все так плохо?

Однако его вид не внушает никакого доверия. Все, что я в нем вижу сейчас, – это злой, безбашенный азарт. Опасный и даже какой-то нездоровый. Впрочем, нормальный человек разве станет силой увозить кого-то?

На меня тошнотворной волной опять накатывает страх. Даже ладони взмокли.

В окно со свистом врывается ветер, развивает его волосы.

– Куда ты меня везешь? – спрашиваю я.

Он не реагирует. Никак.

Я оглядываюсь – мерс по-прежнему следует за нами, только немного отстает.

– Куда мы едем? – повторяю свой вопрос чуть громче.

И снова – ноль реакции.

– Меня будут искать.

Но мои слова для него пустой звук. Он вдруг произносит: «Алиса, включи Lil Beit Dopamine». И тут же экран плеера вспыхивает голубым, и салон буквально взрывается от громкой музыки. Энергичный и жесткий рок долбит по ушам и мозгам, я даже зажмуриваюсь. Всё это меня окончательно деморализует.

Не размыкая век, я мысленно внушаю себе: «Главное, не паниковать. Не показывать им, что мне страшно. И как только окажемся на месте – надо попытаться отправить Дэну мои координаты...».

Останавливается этот ненормальный так же внезапно и

резко. Я едва не ударяюсь головой о лобовое стекло.

Он же выключает свою ужасную музыку и разворачивается ко мне.

– Приехали, – произносит с мерзкой ухмылкой.

Я не двигаюсь. Что будет, если я откажусь выходить? Скорее всего, он обойдет машину, откроет дверцу и вытащит меня наружу силой. Но пока он идет, у меня будет несколько секунд достать телефон из сумки. И, может, даже набрать Дэна. Что-то подсказывает, если я попытаюсь это сделать при нем, он просто отберет у меня телефон.

– Что зависла? Понравилось? Сейчас будет еще веселее. Выкатывайся.

Теперь я на его слова не реагирую. Несколько секунд он выжидающе смотрит. Как раз подъезжают и его дружки. Выходят из мерса. Останавливаются перед капотом, смеются и что-то показывают ему жестами. Давай же, выйди к ним!

– Э! Отомри уже, – обращается он ко мне. – Давай, выметайся.

Я не шевелюсь.

Вздыхнув, он говорит:

– Что ж, придется помочь.

Наконец он выходит из машины. К счастью, на миг останавливается возле своих дружков. Я молниеносно достаю телефон, открываю мессенджер и сбрасываю свое местоположение Денису. Правда, написать уже ничего не успеваю. Этот ненормальный распахивает дверцу с моей стороны и, как я

и думала, отбирает мой сотовый. Взглянув на экран, выключает его и прячет в задний карман джинсов.

– Кому звоним? Не стоит. Все уже в сборе, – ухмыляется он. А потом хватает меня за руку и выволакивает из машины. Трое его дружков, подхихикивая, наблюдают за этим.

Я оглядываюсь по сторонам. Мы остановились возле какого-то дома, обнесенного высоким глухим забором. Я вижу лишь черепичную крышу и окно мансарды. Кто-то из них здесь живет?

Это, судя по всему, какой-то коттеджный поселок. И, наверное, еще строящийся. Потому что вокруг – ни души. Тихо и пустынно. Даже некого позвать на помощь...

Держа за руку чуть повыше локтя, Стас тянет меня за собой. Подходит к калитке с электронным замком, набирает какую-то комбинацию, и стальная дверь открывается. Следом за нами входят и его дружки.

– Отпусти. Я сама пойду, – прошу я, но он, по-моему, еще крепче стискивает руку.

Дорожка от ворот до крыльца выложена плиткой. Но остальная земля совершенно не ухожена. Там и сям валяется строительный мусор.

Вдруг слева раздается грозный рык. Я вздрагиваю. Это, оказывается, собака. Огромный белый алабай. Он в загоне за металлической решеткой, но все равно очень страшно. Он так яростно насккивает, что решетка трясётся, да и вся клетка ходит ходуном. И так свирепо лает, что, кажется,

жаждет растерзать меня на куски.

Стас не обращает на пса никакого внимания, волочет меня дальше.

Мы обходим красивый, но еще явно не жилой коттедж и оказываемся на заднем дворе. Хотя двор – это не самое подходящее слово.

За домом здесь целое поле. Огромное, края не видно. Только вдали какие-то кустарники.

Стас останавливается и наконец отпускает мою руку, чуть толкнув меня вперед.

Сзади к нам подходят двое. Третьего почему-то нет.

– Что, будем считать, сезон охоты открыт? – спрашивает один из них.

Они смеются, а у меня холод ползет вдоль позвоночника. Охоты? Что это значит, черт побери? Это они на меня собрались охотиться? Меня начинает потряхивать.

Я стою перед своими новыми одноклассниками, глядя на них исподлобья, и лихорадочно соображаю: что делать? Бежать? Куда?

Стас окидывает меня оценивающим и, вместе с тем, презрительным взглядом, словно я – какая-нибудь рабыня на невольничьем рынке. Затем бросает с небрежной ухмылкой остальным:

– А она ничего, да? Так еще интереснее. Охота будет жаркой...

Потом наклоняется ко мне и, обжигая ухо дыханием, шеп-

чет:

– Ты даже не представляешь себе, глупая зверушка, куда ты попала. Тебя ждет много неприятных сюрпризов, если ты не свалишь из нашей гимназии в самое ближайшее время.

«Тебя – тоже, – заглушая страх, думаю я. – Только бы выбраться от них как-нибудь... Дэн, пожалуйста, найди меня! Скорее!».

13. Женя

Глупо, конечно, уповать на Дэна. Даже если он каким-то чудом примчится сюда в скором времени, что маловероятно, то сквозь ограду все равно не проникнет. Да и как он узнает, куда надо проникать.

Черт! Как же страшно...

– Надеюсь, ты быстро бегаешь, – с кривой улыбкой про-
износит Стас.

– Я вообще бегать не собираюсь, – заявляю ему, изо всех сил стараясь казаться спокойной.

– Тебе же хуже.

Хочу сказать ему: «Еще посмотрим, кому будет хуже...», но слова застревают в горле, как и безмолвный крик ужаса.

За их спинами я вижу третьего парня. Приближаясь, он ведет на коротком поводке алабая. Парень довольно высокий и крепкий, но алабай ему чуть ли не по пояс.

Сейчас пес не мечется в ярости и не рвется меня растерзать, а просто тяжело ступает рядом с хозяином, но у меня внутри всё стынет от одного его вида.

Стас, заметив, как перекосило мое лицо, довольно ухмыляется.

– Джина... – треплет он холку алабая. – Хорошая девочка. Хочешь порезвиться?

Собака тут же, словно по команде, начинает утробно ры-

чать, недобро глядя на меня. Парень, что ее держит, натягивает поводок ближе к себе.

– Тихо, тихо. Джина, сидеть.

– Не торопись, подруга, – подмигивает собаке чертов Стас. – Подожди немного. Милош, ты отойди с ней пока в сторонку, а то она что-то занервничала.

Алабай тут же снова издает глухой рык, а затем начинает отрывисто лаять.

Я столбенею. И не верю в происходящее. Не собираются же они спустить на меня собаку! Она же попросту загрызет меня. Нет, это немыслимо. Они же люди. Они не могут так...

Не может этого быть, не может быть, повторяю я, но меня всю колотит.

А мерзавец между тем переводит взгляд с собаки на меня и улыбается.

– Ну что, зверушка, беги. Охота началась. У тебя есть честная фора – пять минут. Успеешь добежать до конца участка, найти там калитку и выскочить на улицу – спасешься... в этот раз. А нет – ну, извиняй.

Он разводит руками.

– Я не побегу, – онемевшими губами произношу я.

– Тогда Джина тебя съест, – весело отвечает этот псих.

Я бросаю взгляд, полный надежды и отчаяния, на двух других парней – не могут же и эти быть сумасшедшими? Но они смотрят на меня с таким же безумным азартом и предвкушением.

Господи, кто вы? Что у вас в головах?

– Я не побегу, – повторяю я и пячусь. Меня уже лихорадит так, что зубы клацают, и ноги от страха отнимаются.

И все-таки я всматриваюсь в конец поля, прикидывая, успею ли добежать за пять минут. Должна успеть... вроде... или нет? От страха я плохо соображаю и не могу понять, какое тут расстояние.

– Твой выбор, – равнодушно пожимает плечами Стас. Сдвигает рукав, оголяя запястье, и смотрит на часы. – Время пошло.

– Вы не посмеете! Я отправила другу свои координаты! Он знает, где я. И если со мной что-то случится...

– Четыре минуты и семь секунд, шесть, пять...

– Ты – больной ублюдок! – выкрикиваю я. Нервы не выдерживают, и я срываюсь с места.

– Беги, Форест! – кричат мне сволочи вслед.

И я несусь со всех сил, жадно глотая воздух ртом. Отчаянно рвусь вперед, но ноги, как назло, вдруг становятся деревянными, непослушными и еле передвигаются, увязая в рыхлой земле. Ещё и эти дурацкие кочки и рытвины...

Сколько уже прошло? Минута? Две? Три? А сколько я пробежала? Хочется оглянуться, но нельзя терять время.

«Давай же! Ты сможешь! Уже близко», – подгоняю я себя. Кровь тяжело и гулко стучит в ушах, в глазах темнеет.

И вдруг я неудачно попадаю в очередную ямку, и нога подворачивается. А в следующую секунду я падаю. Мягко

приземляюсь на четвереньки. Тут же в ужасе вскакиваю, готовая бежать дальше, но все-таки непроизвольно оглядываюсь. Рванув по инерции вперед, я почти сразу останавливаюсь и снова в недоумении оборачиваюсь назад.

За мной следом по полю бежит вовсе не алабай, а белый щенок. Еще довольно маленький и неуклюжий. Этаким крохотный пушистый комок. Откуда он взялся?

Эти же психи, однокласснички новые со Стасом во главе, стоят, где стояли, и покатываются со смеху. Все четверо. А алабая с ними уже нет.

Помешкав, я отряхиваю ладони и колени от земли и медленно иду обратно. По пути подбираю щенка на руки. Он ерзает, радостно сучит хвостиком, лижет мне щеку. А я плачу. Реву в три ручья. Наверное, это меня так отпускает страх.

Нет, ну какие сволочи! Уроды! Я же поверила, я чуть не умерла от ужаса. Подбираю слезы рукавом, заставляя себя замолкнуть. Не хочу, чтобы они видели мою истерику. И почти успокаиваюсь, когда подхожу к ним.

Эти придурки все еще ржут как боевые кони. Один из них снимает меня на телефон и аж икает от смеха.

– Эпичный забег, – комментирует он.

Я смотрю на Стаса с ненавистью. Не сомневаюсь, что это его затея: напугать, унижить, обсмеять. Но он больше не обращает никакого внимания на меня и мои гневные взгляды.

Просмеявшись, они разговаривают между собой как ни в чем не бывало. Тот, который Милош, тянет ко мне руки, же-

лая забрать щенка. Я молча его игнорирую, прижимая теплый комочек к себе.

– Отдай, – вдруг подает голос Стас, который, вроде как, на меня вообще не смотрел. – А то Джина тебя реально съест.

Они снова начинают смеяться. У меня вертятся на языке с десяток крепких слов, которыми хочется их обложить, но я сдерживаюсь. Во-первых, я чувствую сейчас такую нечеловеческую усталость, что меня аж качает как былинку на ветру. А, во-вторых, я все еще их опасаясь и не знаю, на что они способны.

Молча отдаю щенка и иду следом за всеми. Когда проходим к воротам, алабай опять начинает бесноваться в своей клетке. И я вспоминаю пережитый ужас.

«Когда-нибудь ты за это обязательно ответишь», – обещаю я, глядя в спину Стаса.

14. Женя

Когда мы выходим за ворота, я осознаю, что без понятия, где нахожусь и как отсюда выбираться. О том, что эти сволочи вернут меня туда, откуда забрали, я даже не мечтаю. Но хотя бы узнать, что это за место.

И тут я вспоминаю про сотовый. Вовремя! Сейчас бы псих уехал с ним, и не знаю, что бы я тогда делала.

– Телефон мой отдай, – говорю ему.

Стас оборачивается. В первый момент не понимает меня, потом, видимо, тоже вспоминает, что забрал мой сотовый. Однако отдавать мне его не спешит.

– Ты просишь у меня телефон, но делаешь это без уважения, – стебётся он, и его дружки оглашают пустынную улицу новым взрывом хохота.

Я дожидаюсь, когда они утихнут, и повторяю:

– Отдай. Мой. Телефон.

– Не, – качает он головой. – Проси как следует.

Очень хочется послать его как следует, но я беру себя в руки. Послать я еще успею, а сейчас надо отсюда как-то выгребать. Превозмогая собственную злость, выдавливаю из себя:

– Отдай, пожалуйста, мой телефон.

– Как-то тоже не очень, да? – обращается к друзьям Стас.

– Вяло. Натужно. Неискренне.

Смотрю на него как на идиота.

– Ага, – поддакивают ему остальные.

– Может, мне еще на колени тут встать и слезу пустить?

– Именно.

Стиснув зубы, я с шумом выдыхаю. Ненавижу...

Его же всё это явно забавляет. Он ещё и понукает с глумливой улыбочкой:

– Ну! Давай!

Дернул же меня черт ляпнуть про эти колени! Ну, не ждет ведь он этого в самом деле... Или ждет? Да пошел он!

– Ты вообще нормальный?

И тут вдруг один из парней, невысокий, коренастый, с коротким ежиком иссиня-черных волос, обращается к нему:

– Стас, слушай... может, ты поговоришь с Соней? Что-то она уж слишком жестит с Полиной. Нафига она заставляла ее жвачку на лоб себе лепить? Это просто уже треш какой-то... Совсем берегов не видит, и вообще в последнее время она как с ума сошла...

Лицо Стаса на глазах меняется. Каменеет. В темных глазах вспыхивает угроза.

– По ходу, это ты, Рус, берегов не видишь, – произносит негромко, но с такой ледяной яростью, что этот Рус сразу идет на попятную.

– Ну ладно, извини. Я ничего такого не имел в виду... просто не так выразился... не подумал...

– Ну так ты думай, когда говоришь о моей сестре, – наезжает Стас. – Какого хрена ты вообще лезешь в бабские раз-

борки? Без тебя разберутся.

Значит, ту рыжую зовут Полиной, а та ненормальная Соня – это сестра Стаса? Что ж, они стоят друг друга. Парочка психов.

– Стас, всё, брейк, – вмешивается Милош. – Рус, Влад, давайте, пока!

Двое парней садятся в мерс и уезжают. Милош, попрощавшись со Стасом за руку, возвращается в коттедж. Ну а псих садится в свой чертов Порше, так и не отдав мой телефон.

Я стою посреди дороги, жду, когда он тоже уедет. Но он почему-то всё не уезжает. А затем пассажирская дверца распахивается.

– Эй! Ты там к земле приросла? Долго мне еще ждать? Садись давай живее! – раздраженно велит он мне.

Красиво было бы, конечно, с гордым видом отказаться, но очень хочется выбраться отсюда поскорее. Ничего, я потом придумаю, как потешить свою гордость.

Стас едет молча, музыку свою разрывную тоже, слава богу, не включает. Но напряжение в салоне зашкаливает. Я даже дышу едва-едва.

Мы проносимся мимо поворота на Серебряный бор и гимназию. Неужели псих решил меня до города подбросить? Как-то не верится. А вдруг он сейчас опять завезет черт знает куда...

Но голос подать не решаюсь, он до сих пор разъярен. Я эту

его ярость буквально кожей ощущаю. Хотя, как по мне, ничего ужасного этот Рус не сказал. Причем ведь и правда сцене утром была за гранью. Псих так нежно любит свою сестру?

Мне не по себе, но... мы действительно въезжаем в город. Я собираюсь было попросить его высадить меня у ближайшей автобусной остановки, но тут он спрашивает сам хмуро, однако без всякой агрессии:

– Куда дальше?

От неожиданности я диктую ему адрес. И он в самом деле подвозит меня прямо к дому. Останавливается недалеко от подъезда, небрежно швыряет на мои колени телефон и, не глядя на меня, бросает:

– Вали.

Я молча выскакиваю из его машины, и он тут же уезжает, оглашая двор ревом мотора.

Всё внимание сразу на меня. Соседки на приподъездных лавках и парни, сбившиеся возле теннисного стола, чуть головы не вывернули. Но мне плевать. Хочу одного – добраться до дома, упасть на кровать и забыться беспробудным сном.

Однако, едва я захожу в квартиру, как тут же кто-то звонит в дверь, долго и требовательно. Открываю – Денис.

– Ну привет, – с какой-то неприятной, даже агрессивной усмешкой здоровается он. – Стесняюсь спросить, а что это сейчас такое было?

– Что именно?

– Женя, блин! Тебя только что привез какой-то хрен на

фраерской тачке. На виду у всех!

Я так вымотана и физически, и морально, что даже обсуждать это не хочу. Вместо этого спрашиваю:

– Денис, ты получал от меня сообщение?

– Нет... а-а... да, получал. Странное какое-то. С какими-то координатами, да? А это что-то значило? Я ничего не понял. Подумал, что ты ошиблась... А что это было за место? погоди, давай сначала с фраером разберемся. Ты не переводи разговор...

– Это было место, где меня сегодня могли убить. Я скинула тебе координаты, чтобы ты мог меня найти...

Денис оторопело моргает и не находит, что ответить.

– Всё, Дэн, иди, потом поговорим. Мне нужно в душ и спать.

– Стой... Как это убить? Кто? Это шутка такая? Или что? Я не понял... Тебя кто-то обидел? Ты скажи, мы с пацанами разберемся...

– Да, Дэн, это была шутка. Иди, пожалуйста. Я правда на ногах не стою.

– Так а что за мажор на Порше был, ты так и не ответила?

– Дэн, всё потом, – выталкиваю я Дениса на площадку.

15. Стас

Домой приезжаю злой как черт. Рус меня просто выбесил. Нет, может, отчасти он и прав. Наверное, поэтому меня так и зацепило. Соньку и правда часто кидает в крайности, а в последнее время вообще заносит. Даже я это вижу. Но распускать язык он не должен был. Да Рус просто охренел говорить такое о Соньке!

Бросаю тачку посреди двора. Инессу очень злит, когда я так делаю. Пусть побесится. Встречу ее – вообще прибыю. Вот уж кто действительно берегов не видит.

Вчера вечером, когда мы вернулись с Сонькой из клуба, отец снова вызвал меня к себе побеседовать. Сначала ходил вокруг да около:

– Вы слишком много времени проводите с Софьей... Постоянно вместе... А тебе надо больше учиться... да и ей тоже...

Я даже не понял, к чему он клонит.

– У меня с учебой никаких проблем нет. Сонька тоже вывозит.

Сонька, конечно, буксует почти по всем предметам, но отец не в курсе. Он сроду не интересовался, как она учится.

– Вы слишком много времени проводите вместе, – с каким-то тупым упрямством повторил отец. А я все еще не мог догнать его мысль.

– И что с того?

– Это... – Отец вдруг замялся и покраснел. Потом выпалил: – Это ненормально!

Я аж поперхнулся от такого заявления.

– Что?! Ты совсем обалдел?!

– Ты как с отцом разговариваешь?

– Блин, что за бред? Что за извращенские намеки? – я даже растерялся, смеяться мне или негодовать.

– Никаких извращенских намеков! – рявкнул отец, хотя явно смутился. – Никто ни про что такое не говорит. Я имею в виду... то есть Инесса... она в этом понимает... В общем, она, как психолог, всё объяснила... Вы слишком привязаны друг к другу... постоянно вместе... Это потом дурно влияет... могут быть проблемы в дальнейшей жизни...

– Это Инесса на тебя дурно влияет, – перебил я его. – Весь мозг тебе засрала.

– Да как ты смеешь, щенок? Ты на кого голос повышаешь? Ты живешь в моем доме, за мой счет, на всем готовеньком и еще рот на отца открываешь?! Я тебя научу уважать...

Но меня тоже уже понесло.

– Левая баба втирает тебе, что твои дети – уроды, и ты сразу же ведёшься.

– Инесса не левая баба! Не смей так о ней! И она знает, что говорит... она – психолог.

– Хренолог! Каждый раз она сочиняет про нас всякое дерьмо, и ты веришь...

– Ты это дерьмо сам творишь все время! Далеко ходить не надо. Напомнить, по чьей милости ваша поломойка чуть кони не двинула?

– И что, мы с Сонькой поэтому теперь извращенцы? Да как вообще такая дичь пришла тебе в голову? Ты не подумал, что твоя Инесса гонит, потому что мы ей тут нахрен не нужны? Хотя тебе, по ходу, тоже... Она же уже залетела. А прикинь, у нее родится какой-нибудь да...

– Я тебе сейчас прикину! – рявкнул отец. – Пшел вон!

Он еще злился, но, наверное, и сам уже понимал, что перегнул. Потому что почти сразу заглох. А вслед мне даже бросил:

– Если бы ты был мне не нужен, тебя бы тут не было.

Ключевое тут «ты». Сонька, как обычно, мимо. Отец ее просто терпит, всегда так было. С самого рождения. Потому что родилась она слабой и недоразвитой.

Так бывает, объясняла мать, что один из двойни в ущерб второму берет больше – питания, кислорода, не знаю, чего еще. В итоге я родился абсолютно здоровым, и отец забрал меня домой, а Сонька – с какими-то серьезными осложнениями. Она не дышала сама и еще месяц лежала в реанимации на аппарате. Мозг тоже как-то пострадал из-за гипоксии. Ещё что-то было с ней не так, я уже не помню.

Мать с ней до года вообще из больниц не выходила. Да и потом лечила то одно, то другое.

Отцу всё это быстро надоело. Хотя, мать говорит, он сра-

зу же отдалился, как только узнал, что Сонька нездорова и, может быть, такой и останется. Но сначала просто держался отстраненно, типа, это его не касается. А уж потом из него полезло всякое дерьмо.

Раньше Сонька страдала эпилепсией. Так мать говорит, его от брезгливости аж передергивало, когда он видел ее судороги. А когда мать заикалась про какое-то очередное лечение, отец орал, что не желает больше это слушать. «Ты родила ее такой, сама и разбирайся. Меня не грузи. Мне хватает проблем на работе. А дома мне нужен отдых».

Однажды мать за ужином похвасталась ему про Сонькины успехи, и его прорвало.

Нам тогда было три года. Я вовсю болтал, даже какие-то короткие стихи уже с няней выучил, а Сонька лишь изредка издавала непонятные звуки.

Отец считал, что у нее дебильность и вся возня с ней бессмысленна. Но мать была убеждена, что она все понимает и заговорит, когда время придет. По большей части – из-за меня. Потому, что я с Сонькой не просто играл, но и как-то общался. Порой даже мог задвинуть что-то типа: «У Сони болит живот» или «Соня хочет слушать сказку». Мать и няня спрашивали, почему я так решил. А я отвечал: «Она сама сказала». Правда каким образом – объяснить не мог. Но мать утверждает, что так всё и оказывалось. Я всего этого, конечно, уже не помню. Только по рассказам матери знаю.

А в тот вечер мать попросила няню привести Соньку, по-

казать отцу, что она научилась говорить «папа». Но отец не оценил.

«И чему тут радоваться? – орал он. – Тому, что твоя умственно-отсталая дочь наконец сказала то, что все дети в год умеют? Ты сама уже в идиотку превратилась! Лучше бы вообще оставили ее в роддоме или где таких оставляют».

Мать говорит, что после этого она хотела от него уйти, но тогда он ее не отпустил. А спустя четыре года сам выгнал. Просто вышвырнул на улицу, потому что надоела. Потому что захотел другую, молодую, свежую, не повернутую на Сонькиных болячках.

Отец хотел оставить себе меня, а сестру отдать матери. Но когда мать пришла за ней, мы с Сонькой устроили адскую истерику. Вот это я даже сам смутно помню. Мы вцепились друг в друга и ревели на весь дом. Нас растаскивали, а мы оба, рыдая, вырывались и опять хватали друг друга, не слушая ни уговоры матери, ни угрозы отца.

В тот вечер мать не выдержала и ушла одна. Отец сам отвез к ней Соньку на другой день. А еще через день я сбежал из дома. На поиски. Но в итоге потерялся. Почти сутки слонялся по городу, пока меня не опознал какой-то случайный чел. Отец тогда всех на уши поставил, везде трубили: «Пропал мальчик...».

Эта эпопея длилась, наверное, месяц, а потом мать решила попросту уехать. Точнее, сбежать. Вместе с нами. Тайком. Отец ей этого не простил. Нашел, избил ее зверски, до по-

лусмерти, на наших глазах, а нас забрал. Обоих. И видеться с ней запретил.

Только вот Соньку он забрал тупо назло матери. Ни тогда, ни сейчас она не была ему нужна. Хотя сестра, сколько помню, из кожи вон лезла, чтобы он ее заметил, чтобы хоть раз похвалил. Но он ее замечал только тогда, когда она косячила...

16. Стас

Захожу в дом, поднимаюсь на второй этаж и – какой сюрприз! – сталкиваюсь с Инессой нос к носу.

Невовремя выползла она из своей комнаты. Тварь.

Инесса собирается спускаться вниз, но я преграждаю ей путь. Она делает шаг влево, пытаюсь меня обойти, я – тоже. Она – вправо, и я – вправо, заслоняя лестницу собой.

Тогда она отступает на шаг и, скрестив на груди руки, спрашивает с раздражением:

– Что за игры, Стас?

– Какие уж тут игры? – улыбаюсь я. – Ты у нас, оказывается, опытная психологиня.

– Психолог, – поправляет она с бесстрастной миной.

– Один хрен. Так вот посоветуй, как психолог, что делать. А то у меня проблема.

– Это надо обсуждать прямо сейчас? – нервно спрашивает она.

– Да. Прямо сейчас. А то, чувствую, – приближаюсь к ней, – еще немного – и быть беде.

Несколько секунд она сверлит меня взглядом. Потом, хмыкнув, спрашивает:

– И в чем же твоя проблема?

– В том, что нестерпимо хочется взять одну суку, которая лезет, куда не просят и мелко гадит исподтишка... и свер-

нуть ей шею. Или как вариант: спустить эту тварь с лестницы. С этой, например... – показываю я за спину.

Инесса прищуривается и шипит:

– Послушай меня, избалованный ублюдок, я сделаю так, что и ты, и твоя полоумная сестрица вылетите отсюда в два счета. Отправитесь к своей малохольной мамаше и больше от отца ничего не увидите... ни рубля, ни...

Я хватаю Инессу за предплечье и с силой толкаю к краю лестницы, но руку не отпускаю. Наоборот, сжимаю крепче, удерживая ее, неуклюже балансирующую на верхней ступени. Если бы разжал пальцы, она полетела бы сейчас кубарем вниз. Но мне достаточно и просто увидеть в ее глазах животный страх. Затем дергаю ее на себя и прижимаю спиной к стене. И только тогда убираю руки.

– Видишь, как это легко сделать, – бросаю ей в лицо.

Она судорожно выдыхает, а затем срывается в визг.

– Витя! Витя! – зовет она отца. Затем цедит: – Ты – психопат! Я всё расскажу... Завтра же вас здесь не будет! Вас обоих давно пора изолировать... Витя!

Слышу, как внизу открывается дверь отцовского кабинета. Затем его голос:

– Инесса, ты меня звала?

– Да! Прошу поднимись!

– Я занят, это срочно?

– Да, Витя! Очень!

– Да что там у тебя... – бурчит отец и начинает тяжело

подниматься.

Инесса бросает на меня злорадный взгляд.

– Ну всё, идите собирайте чемоданы, выродки, – шепчет она, поглядывая на лестницу. – Ему будет очень интересно узнать, как ты чуть не убил меня.

Отец уже почти наверху, и ее злобная мина в одну секунду превращается в благостно-страдальческую.

– Про твоего брата ему тоже будет интересно узнать, – говорю ей. – Так что вместе будем собирать чемоданы.

Ликующее выражение мгновенно гаснет. По лицу ее рябью пробегает судорога, а в глазах – снова страх. Такой живой, острый, мне даже кажется, я чувствую его запах. И это чистый кайф.

О том, что у Инессы есть родной брат, я узнал совершенно случайно. От Милоша. Его мать владеет частным пансионатом для инвалидов. Он как-то заезжал к матери и видел там Инессу. Без палева, потому что она моих друзей в лицо не знает, а вот они ее – очень даже.

Милош потом, уже по моей просьбе, выяснил, что там находится ее брат с какой-то тяжелой формой ДЦП. Но самое прекрасное, что Инесса всё это скрывает от отца. От всех.

Она пытливо вглядывается в мое лицо, пытаюсь понять, как много я знаю. И я ей безмятежно улыбаюсь, словно подтверждая: всё.

– Что такое? – недовольно спрашивает отец, поднявшись к нам. На меня смотрит с сердитым прищуром. – Опять Стас

что-то выкинул?

Инесса сглатывает, пытается выдавить улыбку, а у самой дрожат губы.

– Н-нет, ничего такого. Стас... он только что подошел.

– А чего ты меня звала? – хмурится отец.

– Да ничего. Всё уже нормально, прости, что выдернула тебя.

– Прости? Я там вообще-то делами занимаюсь, – раздражается он.

– Витенька, прости. У меня... голова закружилась. Так бывает во время беременности. Я испугалась, что упаду.

– Кого-нибудь из прислуги позвала бы тогда... – ворчит он, но уже не так сурово. – А сейчас как? Лучше?

– Да, да, уже отпустило.

Отец уходит. А Инесса так и стоит у стены как прибитая. Всегда такая хладнокровная, сейчас она явно в панике. Потому что уже знает то, что мы поняли еще в детстве. У отца установки четкие: выживает сильнейший, остальные – в утиль. Слабые, больные, немощные, по его мысли, – ненужный балласт, от которого надо избавляться. А тут вдруг такой шурин. Да ещё и генофонд сомнительный.

– Ты ему расскажешь? – глухо спрашивает Инесса. – Не рассказывай, пожалуйста...

Вообще-то я даже ей не собирался говорить, что знаю её тайну, а отцу – так тем более. Но ей расслабляться не за чем.

– Смотря как себя вести будешь, – ухмыляюсь я. – Будешь

милой, послушной мамочкой – не скажу. А если опять начнешь лить говно отцу в уши про меня и Соньку, то...

– Я поняла. Я... я согласна...

– Тогда проверим, насколько ты поняла. Идем, – я направляюсь в сторону Сонькиной комнаты.

– Что? Что ты хочешь? – семенит за мной Инесса. – Что проверим?

– Какая ты теперь у нас послушная и милая, – глумлюсь я. – Заходишь сейчас к Соньке и просишь прощения.

– За что?

– За всё! Мало ты ее изводила и унижала? – тут же закипаю я. – Мало из-за тебя ее отец гнобил? Помнишь, как он по твоей просьбе заставлял ее вымаливать у тебя прощение? Вот сейчас повторишь этот номер, только теперь сама. Ясно?

Инесса, скиснув, кивает. Я иду дальше, она покорно тащится следом.

Захожу первый в комнату к Соньке. Она заливается в телефоне с несчастным видом, но, увидев меня, вздрагивает и быстренько прячет сотовый в карман.

Но когда на пороге возникает Инесса, Сонька аж темнеет лицом.

– Что ей тут надо?

– Соня, – молвит наша мачеха убитым голосом. – Прости меня, пожалуйста. Я была к тебе несправедлива. Мне очень жаль.

Затем Инесса обращается ко мне:

– Всё? Я могу идти?

– Вали.

С перекошенным лицом она выскакивает пулей. А Сонька наконец закрывает рот.

– Стас, это что сейчас такое было?

– Покаяние, – плюхаюсь на диван рядом с ней. Про брата Инессы Сонька не знает, и чтобы не допытывалась, перевожу разговор: – А ты чем занималась? Только не говори, что ты все еще по Шаманскому с ума сходишь.

– Нет! – врет она. Я всегда вижу, когда она врет. – Я, наоборот, контакт почистила, все фотки Алекса сейчас удалила...

– Хорошо, если так. Если бы ты сразу меня послушала...

Она, горестно вздохнув, кивает. Но затем все равно упрямо произносит:

– Если бы не эта рыжая сучка... она перед ним там жопой крутила... и ведь знала же, что он со мной... а все равно... тварь...

– Да блин, – раздраженно прерываю ее я. – Соня, кончай гнать. Меркулова тут вообще ни при чем. Я тебе всегда говорил, что Шаманский – мудака. Не было бы Полинки – была бы другая.

– Откуда ты можешь знать?

– Да все мы такие. Это у вас, у девочек, всякая муть в голове, – обнимаю ее за плечи.

– Не муть, а любовь.

– Один хрен. Просто нам это вообще не надо.

– Ладно, у нас любовь, а у вас что?

– А у нас тестостерон, – усмехаюсь я.

– Алекс говорил, что любит меня, – тоном обиженного ребенка возражает она.

– Да гнал он тебе, чтобы прикатать на... А у тебя с ним точно ничего не было?

– Да точно, точно! – перебивает Сонька. – Но мне вообще-то уже восемнадцать. Если я захочу...

– Я тебе захочу! – повышаю я голос.

– И что ты сделаешь? – дразнит она.

– Увидишь. А если серьезно, оставь уже Меркулову в покое.

– Не могу. Я так сильно ненавижу эту рыжую тварь. Закрываю глаза и опять вижу, как она с ним целуется... Как я ее ненавижу!

– Ненавись на здоровье. Просто притормози немного с разборками. Реально, Сонь, это уже перебор. Мало того, что случилось?

Она дергает плечом и скидывает мою руку. Подтягивает колени к груди и сидит теперь, надувшись. Минуту сидит, две, потом заявляет:

– Ты тоже против меня!

– Дурочка, – легонько щелкаю ее по макушке. И опять обнимаю за плечи.

Сонька еще пытается обижаться, но почти сразу сдувает-

ся.

– Ой, Стас, – вспоминает она. – А что с дочкой уборщицы? Задали ей жару?

– Да так, прикололись немного. Влад снимал, скинет потом в чат видос. Может, уже скинул.

– Она от нас свалит?

– А она тебе чем мешает?

– Она мне не нравится. Швабра! Хочу, чтобы она скорее свалила. И ты вообще-то обещал, что она долго не продержится.

– Угу, – бездумно киваю я. А сам вспоминаю ее забег. А следом – как она пялилась на меня, сверкая глазами. С такой жгучей ненавистью, аж кровь заиграла. – А как, кстати, ее зовут?

– Швабра и швабра, – ведет плечом Сонька. – Будет еще кто-то по имени ее звать... О! У меня на ее счет возникла идея!

Сонька сразу оживает, тянется за телефоном.

– Какая?

– Завтра узнаешь, – загадочно отвечает она. – Теперь наша очередь над ней прикалываться...

17. Женя

Утром сажусь в автобус и, ни на кого не глядя, занимаю свободное место у окна. Но ко мне, теперь уже сама, подсаживается вчерашняя женщина в горчичном плаще. Марина, кажется.

– Ну что? Как прошел первый день? – спрашивает она. Это вовсе не участие и не беспокойство, а обычное любопытство.

– Нормально, – выдавливаю из себя кислую улыбку и сразу же отворачиваюсь к окну.

– Не обижали тебя эти? – делает еще одну попытку Марина.

– Нет.

Она явно разочарована тем, что ей не удалось вытянуть из меня ничего интересного. Что ж, мне тоже вчера не понравилось, когда она отказалась говорить про маму.

Да и нет у меня желания вести разговоры. Я напряжена внутри до предела. Как могу, конечно, себя успокаиваю: на уроках мне никто ничего не сделает, а на переменах буду держаться людей. Надо просто быть осторожной, внимательной и собранной. И главное – по возможности избегать психа и его сестрицу.

В общем-то, я и опасаясь только его, Стаса. Но еще больше злюсь. Когда вспоминаю, как он вчера со своими друзьями

ми изгалялся надо мной, как глумился и унижал – аж в груди печет от злости. А когда думаю, что наверняка на этом он не остановится – мне делается дурно.

А ещё не дает покоя мысль, точнее, подозрение, что он и есть тот самый *подонок*.

Хорошо бы подружиться с той рыжей и аккуратно у нее всё выведать...

До начала уроков я коротаю время в зале отдыха. Они здесь называют это место коворкингом. Тут стеллажи с книгами и игрушками, диваны, разномастные кресла, всякие пуфики и кушетки для релакса. Столы тоже есть, но маленькие, больше похожи на журнальные, чем на парты. А еще есть кофейный аппарат, электронное пианино и даже подвесные качели.

Вчера я заглянула сюда на большой перемене, даже выпила кофе, но развалиться на диване, а то и прямо на ковре, как некоторые, постеснялась. А сейчас, когда никого нет и появятся еще нескоро, беру книжку с полки и выбираю диван поудобнее.

Сначала – скромненько сижу, потом скидываю туфли и ложусь, примостив голову на мягкий подлокотник. Диван стоит к дверям спинкой, так что, даже если кто-то сюда и заглянет вдруг, то от входа меня не увидит.

Зачитавшись, я совсем забываю про время. И вздрагиваю, когда двери вдруг распахиваются и кто-то входит. Причем резко, будто один человек вталкивает силой другого, а затем

с хлопком закрывает дверь.

Хочу привстать, показать, что здесь есть я. Но затем один из вошедших подает голос, и я, наоборот, замираю. Это псих!

– Какого хрена ты сюда приперся? – наезжает он на кого-то с яростью. – Я тебя предупреждал: появишься – убью...

– Стас, да всё не так было, как говорят... – нервно оправдывается какой-то парень. – Я вообще ни при чем... Я люблю твою сестру... И я бы сам никогда... Это всё шлюшка Меркулова... она ко мне давно подкатывала, а в тот вечер просто момент такой был... полезла целоваться какого-то хрена... я сам не ожидал... ну и...

– Ты эту ересь можешь втирать Соньке, но не мне. Хотя нет, Соньке тоже не можешь...

– Да это правда! Мне вообще эта рыжая дура нафиг не упала...

– Я тебе предложил альтернативу: ты сваливаешь из гимназии и Соньке глаза не мозолишь. И вообще у нее на горизонте больше не появляешься. И я тебя не трогаю. Ты согласился. Но...

– Да я хотел. Честно, хотел. Отец ни в какую. Я что сделаю?

– Ну, тогда извиняй... Я ведь тебе с самого начала говорил, когда ты к моей Соньке только подкатывал. Огорчишь ее – я огорчу тебя.

– Стас, но ты же сам тоже... у Яны за спиной... иногда с

другими...

– Шаман, хочешь мне предъявить за Яну? Ну, давай попробуй.

– Не хочу, – поспешно заверяет его, как я поняла, бывший парень Сони. А у психа, выходит, и девушка есть? И кто с ним согласен встречаться в здравом уме и памяти? Хотя... он красив. Некоторым этого достаточно.

– Тогда и не заикайся про нее.

– Стас, я правда... а-а-а...

Судя по звукам, псих ударил парня.

– Стас, подож... а-а... не надо... пожалуйста...

Черт, и продолжает бить! А тот только скулит и стонет. Хоть бы уж сдачу дал! Но он, роняя какую-то мебель, падает. Мне даже слышать это всё больно.

Я поворачиваю голову вбок и вдруг понимаю, что в темном экране огромной плазменной панели, висящей на стене, отлично видно и мне их, и им меня. Почти как в зеркале. Мое спасение лишь в том, что псих так увлечен, что по сторонам не смотрит. Зато я теперь не только слышу, но и вижу этих двоих. А в следующую секунду дверь снова открывается, и сюда входит девушка.

Я присматриваюсь и узнаю в ней вчерашнюю длинноногую блондинку. Барби. Подруга Сони.

– О, Стас, привет... Милош сказал, что вы здесь...

– А Сонька где? – спрашивает псих.

– Соня с Аллой внизу, в холле... Алекс, ау, – обращается

она к парню, который свернулся в позе эмбриона на полу. – Ты там жив?

– Э, – псих слегка поддает ему в спину кроссовкой. – Отомри. На сегодня утренняя разминка закончена. Давай, до новых встреч.

Тот подскакивает и уходит.

– Ты его избил?

– Да прямо. Пару раз всего втащил.

– Козел он. А ты – молодец, – голос ее становится воркующим, игривым. – Мне бы такого брата...

Барби приближается к Стасу вплотную, кладет ему на грудь руки и медленно ведет их вверх, к плечам, а затем обвивает шею.

– У тебя есть брат, – отвечает ей псих совсем другим уже тоном – под стать воркованию Барби.

– Это не то, – выдыхает она

И вот они уже целуются, да так страстно. Он задирает ей сзади подол юбки. Грубо тискает, но ей это явно по душе. А я чувствую себя ужасно неловко. Кладу раскрытую книжку на лицо, словно отгораживаюсь от всего, и мысленно желаю, чтобы они скорее ушли. Но хоть я и ничего не вижу, но отлично слышу все эти характерные причмокивания и рваные вздохи. Черт, нашли время и место!

И тут вдруг Стас говорит:

– Яна, стой... подожди... всё...

– Что? Стас, что такое?

Несколько секунд длится какая-то возня, потом, слышу, дверь открывается и закрывается. Неужели ушли? Хоть бы.

Выдохнув с облегчением, я убираю книжку и вздрагиваю. Прямо над собой вижу Стаса. Он стоит у дивана, глядя сверху вниз с таким лицом, будто рассматривает неизвестно откуда взявшееся пятнышко на своей безупречно отглаженной рубашке. Но когда я делаю попытку встать, он резко подается ко мне.

– Куда?

Псих успевает перехватить мои руки и, стиснув запястья, прижимает их к подлокотнику над головой. Перекинув одну ногу через меня, упирается коленом в диван и нависает надо мной.

– Попалась... Ты что здесь делаешь?

В черных глазах его плещется теперь дурной азарт, от которого у меня моментально разгоняется сердце.

– Ничего! Пусти! – пытаюсь вырваться и освободить руки. Но как бы не так. На секунду он вроде ослабляет захват, но тут же сжимает мои запястья еще крепче. Мало того, что ситуация сама по себе двусмысленная, так еще и не знаешь, чего ожидать от этого психа.

Я изо всех сил дергаюсь, но руки словно намертво прикованы над головой. Его же мои потуги только раззадоривают.

Я злюсь, потому что обездвижена и не могу вырваться. Нервничаю и смущаюсь, потому что он слишком близко. Его дыхание щекочет лицо. Его запах, мужской, с примесью до-

рогого парфюма, забивает ноздри. Пусть он и приятный, но это его запах. Я задыхаюсь, будто это ядовитый газ. Невольно начинаю дышать часто, с шумом. Грудь тяжело вздымается. Сердце гулко колотится.

– Да ты завелась, – как-то пошло ухмыляется он.

Облизнув пересохшие губы, цежу:

– Пусти!

– Ну уж нет... – с кривой улыбкой отвечает псих.

И тогда я исхитряюсь и что есть сил ударяю коленом ему между ног. Он издает сдавленный возглас и грубое ругательство в мой, видимо, адрес, но зато выпускает мои руки. Не теряя времени, я отталкиваю его и соскакиваю с дивана. Подбираю свои туфли и бегом к дверям. Но у самого входа псих все же настигает меня.

– А ну стой!

Он дергает меня за руку, разворачивает рывком к себе. И, не устояв, я буквально влепляюсь ему в грудь. Он прижимает меня к своему телу, но затем происходит что-то странное. Несколько секунд мы с ним просто стоим вот так и смотрим друг на друга, глаза в глаза. И я от растерянности почему-то даже не вырываюсь. Его взгляд, в котором только что горел шальной огонь, вдруг меняется. Становится тяжелым.

А потом псих меня отпускает, без единого слова. Просто убирает руки, отворачивается и отходит в сторону, а я пулей выскакиваю вон.

18. Женя

На урок иду в растрепанных чувствах. А сердце до сих пор скачет. Что это такое было? И что еще от него ожидать? Я и так психа остерегалась, а теперь хоть вообще на глаза ему не попадайся. И этот его взгляд в конце, перед тем, как отпустил меня... Это не был уже азарт, это было что-то другое. Смутно знакомое и волнующее. Примерно так на меня смотрит Дэн, когда мы целуемся. Только с Дэном – это нормально, а тут... бред какой-то... я даже не знаю, что и думать.

Захожу в аудиторию буквально за пять минут до начала. И сразу все взгляды в мою сторону. Сестра психа, заведя меня, кривится. Бормочет какую-то ересь вроде: фу, половыми тряпками завоняло.

Я игнорирую ее, сажусь за свой стол, и тут парень, который вчера снимал меня, запускает с телефона на большой экран видео. То самое, где я в ужасе убегая от крохотного щенка.

Класс тут же взрывается хохотом. Они смеются хором, до слез, до икоты. Оглядываются на меня, чуть ли пальцами не тычут. А я сижу с непроницаемой миной, будто меня это не касается. А что еще остается делать? Правда, щеки, чувствую, горят, и до безумия хочется заткнуть уши и выбежать из класса, чтобы только не слышать этот издевательский хохот...

Но наконец заходит преподаватель истории, и все стихают.

На первый урок чертов псих опаздывает, но, когда заходит в аудиторию, мне кажется, сама атмосфера становится другой. Тяжелой, давящей. Я почему-то начинаю нервничать, будто сижу на иголках. Честное слово, легче было хохот вынести, чем его присутствие.

Однако, к счастью, псих больше на меня не смотрит. Не обращает ни малейшего внимания. И меня потихоньку отпускает.

На обеде он весело переговаривается с теми тремя, что вчера вместе с ним надо мной «прикалывались». Время от времени его дружки и остальные одноклассники посматривают в мою сторону и ухмыляются. Но сам Стас в упор меня не замечает. И слава богу.

Зато его сестра глаз с меня не сводит. Впрочем, ровно до того момента, как в буфете появляется рыженькая. Она входит, вжав голову в плечи. Занимает маленький круглый столик поодаль. А через полминуты к ней подсаживается сестра психа. С моего места не слышно, о чем они говорят, но и по их лицам понятно: та на нее наезжает, рыженькая – виновато молчит. А потом Соня встает так, что опрокидывает на нее стакан сока. Намеренно, конечно. И уходит с видом королевы. Рыженькая, вспоминая, что ее зовут Полина, недолго сидит, спрятав лицо в ладони, а потом вскакивает и выбегает.

Я застаю ее в уборной. Она чистит юбку и горько рыдает.

– Почему ты позволяешь с собой так поступать? – протягиваю ей бумажные полотенца.

– Кому? Соньке Смолиной? А что я могу сделать? – сквозь всхлипы отвечает Полина. – Одна против всех.

– Почему против всех? Против нее.

Она поднимает на меня заплаканные глаза.

– Ты не понимаешь... хотя откуда ты можешь знать. У нас тут заправляют Смолины... Стас с Сонькой... И все наши на них смотрят, за ними повторяют...

– Но почему? – действительно не понимаю я.

– Не знаю, – дергается Полина. – Так сложилось.

– Дай ей отпор. И сложится по-другому.

Она смотрит на меня как на безумную.

– Ты вот такая умная пришла и советы раздаешь, даже толком ничего не зная. А я с ними с семи лет. Попробуй пойдешь против Смолиных... Сонька тебя загрызет. А Стас... Стас за нее любого порвет. В позапрошлом году к ней лез какой-то придурок из одиннадцатого, ну и зажал ее, короче. Так Смолин его чуть не прибил. Его еле оттащили.

– Ну, тут ведь совсем другое дело. Да и ты – девушка. Не станет он...

– Ага, как же. Ради своей бешеной сестренки еще как станет... Раньше он встречался с Кариной... Она нас на год старше, в прошлом году закончила... В общем, она с Сонькой что-то не поделила. Они поругались. Карина ей тоже, конечно, всякой фигни наговорила, спровоцировала ее, но

Сонька на нее прямо с кулаками набросилась. А Карина потом Стасу побежала жаловаться. Еще, дура, при всех... А он её так резко осек. Типа, на кого она посмела рот раскрывать. Так и сказал: «Она – моя сестра, а ты – кто? Ты – никто. Ты просто тупая телка, каких тысячи». Вот так унизил и бросил, считай, свою девушку. Потом над Кариной все кому не лень смеялись...

– Мда... Но и это тоже другой случай.

– Да какой бы случай ни был, Смолин свою Сонечку никому в обиду не даст. Нет, ну на самом деле Стас еще куда ни шло. Хотя его тоже срывает с тормозов иногда. Но Сонька вообще творит такую лютую дичь, мама дорогая! И всё ей с рук сходит... Понимаешь, тупо страшно с ней связываться...

– Нет, не понимаю. Она кинула в тебя жвачку – кинь в ответ. Ударит – дай сдачу. Но не терпи, не молчи. Ну не убьет же она в конце концов.

Полина поворачивается ко мне лицом. Дышит часто, растопырив ноздри и поджав губы. Потом произносит с надрывом:

– Не убьет, говоришь? Смотри! – Она дерганными быстрыми движениями расстегивает пуговицы на блузке и распахивает воротник пошире. И я невольно вздрагиваю. На груди у нее множество подживших царапин. Неглубоких, но все же выглядит жутко.

– Что это?

– Это Смолина пыталась написать на мне слово «сука».

Неделю назад. Прямо здесь. Нет, не в туалете. В нашем спортзале. Яна с Аллой держали меня... Повалили на пол, распластали и держали. А Соня уселась сверху и царапала... И это еще не всё...

– Боже... – шепчу я. – А что еще?

Полина застегивает блузку, а потом вытаскивает из волос заколку, и ярко-рыжие кудри осыпаются по плечам и спине. Я непонимающе смотрю на нее, а затем она поворачивается другим боком.

– Полюбуйся.

Я даже ничего не могу сказать в первый миг. Та сторона головы, не вся, но значительная часть – выбрита. Неровно, клочками. Просто чудовищно.

– Тоже она?

– Да, тогда же... – всхлипывает Полина и начинает собирать волосы набок, как было, пряча выбритое место.

– Почему ты об этом никому не рассказала? Это же... это просто беспредел. За это ее, ну как минимум, должны отчислить. А то и отправить, ну не знаю... в комиссию ПДН какую-нибудь.

– Ты такая наивная. Знаешь, кто у них отец?

– Не знаю. Но и твои родители, наверное, не простые смертные.

– Ой, мой просто в бизнесе. А у них – во власти. Он – председатель заксобрания. Второй после губернатора. А по факту – первый. Даже мой папаша говорит: дружи со Смо-

лиными. Это полезная дружба. Их папа многое может. Даже губер, типа, его слушает. Так что никто ничего им не сделает. Не за такое. А, во-вторых, я не стукачка.

В нашей школе, конечно, жаловаться взрослым на что бы то ни было – тоже считалось дном. Таких потом презирали все. Но это же какое-то безумие.

– И что, ты терпеть это будешь?

– А что еще делать? Перебесится и успокоится. Да я сама виновата. Этот Алекс... ну, Шаманский... он мне всегда нравился... Подкатил тогда, сказал, что с Сонькой у них всё... Вот я и развесила уши... Причем на той вечеринке, где мы целовались с ним, никого из наших даже не было, но все равно кто-то слил... Я уже сто раз перед Сонькой извинилась... Тебе я тоже не советую на рожон лезть и с ней конфликтовать, если не хочешь проблем.

Я колеблюсь: может, еще рано для таких вопросов? Но не могу удержаться.

– Полин, а ты не знаешь, что случилось с моей мамой? Кто над ней так поиздевался? Она? Смолина? Или ее брат? Или...

– А с чего ты взяла... – сморгнув, озадаченно спрашивает Полина. – Что кто-то над ней издевался? Она же просто... ну, плохо ей просто стало. Я только это слышала... не помню уже, от кого. Кажется, от Платонова.

– Нет. Плохо ей стало, потому что кто-то ее довел. Над ней издевался. Я это знаю точно. Говоришь, тебя в спортзале

они так...? А в какой день...

Вдруг дверь в уборную распахивается и входит собственной персоной Соня Смолина. Одна. Смерив нас презрительным взглядом, она молча проходит мимо к кабинкам. Мы тоже молчим в напряжении. Я хочу продолжить расспросы, а Полина – просто боится. Аж дрожит.

Соня подходит к раковине, моет руки и, хмыкнув, спрашивает вслух:

– Что, шлюшка, нашла себе подружку? Ну, конечно. Кто, кроме вонючей швабры...

– А ну пошла отсюда, – перебиваю ее я.

– Что? – Смолина вскидывает брови. – Эй, швабра, тебе на твое место указать?

– Попробуй, только потом не бегай и не жалуйся.

В ту же секунду ее красивое лицо искажает, даже обезображивает злобная гримаса. Однако она не бросается на меня, хотя я жду и внутренне готова ко всему после таких рассказов. Но Соня лишь яростно сопит, испепеляя меня взглядом, но даже сделать шаг в мою сторону не решается. Потом цедит сквозь зубы:

– Тебе конец.

И выходит, хлопнув дверью.

19. Женя

Полина поворачивает ко мне перепуганное лицо.

– Ты что?! Ты это зачем?! С ума ты сошла! Она же тебя...

Я даже не знаю, что она тебе теперь сделает ...

– Да плевать. Полина, лучше расскажи про тот день, когда они тебя...

Но она чуть ли не в панике трясет головой и поспешно выскакивает из уборной.

Конечно, мне не плевать, я же не идиотка. Тоже боюсь. Но и Смолина, выходит, смелая, только когда рядом брат и подружки.

Захожу на алгебру вместе с преподавателем. Между прочим, он интересный тип. Молодой совсем и поразительно похож на актера Александра Паля. Даже прическа такая же. Только наш еще носит хипстерские очки.

– Ну что, друзья, – обводит класс взглядом математик. – Сегодня начнем с небольшого теста. Проверим, как вы поняли предыдущие темы.

У него в руке готовые бланки, на дорогой бумаге, с эмблемой гимназии, как будто это почетные грамоты, а не какой-то промежуточный тест.

Он раздает каждому по бланку. Только мне не достается.

– Э-э-э... вы кто у нас? – спрашивает он меня.

– Швабра... просто швабра, – бросает со своего места Смолина, и все остальные поддерживают ее смешками.

Но самое потрясающее, что математик даже никак это не комментирует. У нас бы эта Соня уже отправилась к директору на ковер, а оттуда – прямым ходом за родителями.

– Я – Гордеева, Евгения Гордеева.

– Нет, ты – швабра, – не унимается она.

Только тут математик обращает на нее свой укоризненный взор и мягко, почти просяще говорит:

– Соня... ну...

– Молчу, молчу, Арсений Сергеевич, – кокетливо отзывается она.

Мило ей улыбнувшись, он переводит на меня взгляд, в котором теперь нет ни грамма интереса, а лишь выражение безмерной скуки.

– Евгения, значит, – вздыхает он тяжело. – Я так понимаю, у вас подготовка на уровне обычной школьной программы... Честно говоря, я без понятия, что с вами делать... Давайте так, для начала я посмотрю, что вы знаете, чего не знаете, ну и в зависимости от этого буду понемногу объяснять вам материал, чтобы вы хоть немного догнали остальных...

– Давайте я лучше сделаю ваш тест как все, – предлагаю ему, хмурясь. Не очень-то приятно, что он сразу же зачислил меня в отстающие. Хотя откуда ему знать, что мама не один год готовила меня к физмату.

Он снисходительно усмехается.

– Понимаете ли, в нашей гимназии совсем другой уровень... – начинает он противным тоном.

– Просто дайте свой тест, – снова прошу его я.

Несколько секунд он смотрит на меня молча, но его взгляд буквально кричит: куда ты лезешь в калашный ряд со свиным рылом? Потом вздергивает подбородок и высокомерно произносит:

– Что ж, как вам угодно... Только бланков у меня больше нет. Если не возражаете, распечатаю на обычном листе.

Он тут же запускает принтер, затем кладет передо мной распечатанный тест, глядя на меня насмешливо, типа, ну дерзай, а мы поглядим.

Заданий всего четыре. Они довольно сложные, но знакомые. Два – на логарифмические функции, два – на вычисление интегралов.

Пока мы решаем тест, математик вальяжно разваливается в кресле, воткнув в одно ухо беспроводной наушник. Никого не стесняясь, слушает музыку и в такт качает головой. Только один раз подает голос:

– Сонечка, радость моя, попробуй хоть что-нибудь решить сама, без помощи Стаса. Обещаю, двойку ставить не буду.

Спустя полчаса я откладываю ручку и готовый тест в сторону. Все остальные еще решают, и я просто смотрю в окно и обдумываю услышанное. Полина, конечно, что-то знает, но молчит. Трусит. Можно ее, в общем-то, понять. Надо подумать, как ее разговорить...

Но я почти уверена, что маму допекли эти двое – Смолины. Да и Полина сказала, что всеми заправляет эта чертова парочка. Правда, опять же, по ее рассказам, это больше похоже на Соню. Но Платонов тогда однозначно говорил в мужском роде. Значит, все-таки это сделал псих?

Я оборачиваюсь на него. Он в этот момент передает листок сестре и что-то ей там показывает карандашом, а потом, словно почувствовав, поднимает взгляд на меня. Соня тоже замечает мой интерес и тотчас вскидывает вверх средний палец.

– Что, Евгения, заскучили? – окликает меня математик.
– Я же говорил, для вас такие задания будут слишком сложными.

– Нет, просто я уже все решила.

У математика очень выразительное лицо, и сейчас оно выражает полное недоумение, потом скепсис и, в итоге, насмешку. Ох уж эти снобы.

– Ну давайте посмотрим, что вы там нарешали.

Он подходит, берет мой тест, пробегается по заданиям глазами, читая шепотом решения. Его брови при этом то ползут вверх вместе, то по очереди, то сходятся на переносице.

– Ну... слушайте, это, конечно... А не списывала?

– Откуда?

– Ну, телефоны я не забираю, вай-фай не глушу... Нет? Хорошо. Скажи, откуда у тебя взялось вот это?

– Разделила косинус на синус, вынесла из синуса одну степень икса и разложила знаменатель.

– Хм... – математик чешет подбородок. – Нет, всё верно, молодец. А можно, кстати, и не так решить... можно еще разложить вот так...

Он склоняется и быстро записывает альтернативное решение.

– Да, тут – да, но вот так ведь не всякую функцию можно разложить.

– Слушай, – Арсений Сергеевич переходит на «ты» и смотрит на меня теперь с заметным интересом. – В какой ты, говоришь, школе училась?

– В шестьдесят третьей.

– С математическим уклоном?

– Нет, обычная средняя школа.

– Хм... а говорят, образование у нас скатилось... Слушай, а давай-ка к доске. Хочу посмотреть, как ты у меня одно уравнение решишь...

И оставшиеся десять минут урока мы с ним разбираем пример у доски. Я записываю черным маркером, он кое-где ставит метки зеленым.

Иногда я оглядываюсь и всякий раз натываюсь на пристальный и совершенно нечитаемый взгляд Смолина.

Я снова нервничаю. Как было спокойно все предыдущие уроки, когда он меня не замечал. А сейчас что? Сестра пожаловалась? И сразу вспоминаю слова Полины: он за Соню

порвет любого...

Последним у нас иностранный, но тут уж я сижу тихо, не высовываюсь и снисходительное отношение препода принимаю с благодарностью – языки вообще не мой конек.

В нашей школе мне ставили хорошие оценки за старательность, ну и отчасти «по благу». На «отлично» инглиш знали у нас только Олег Хоржан и моя подруга Леська, которая собралась в ин.яз. Все остальные – как я или хуже. Здесь же я – в ауте. Будто в другую страну попала, англоговорящую. Все до единого вместе с преподам просто общаются на английском, легко, свободно, бегло. Как на родном. И только я сижу как пень.

После урока преподаватель говорит мне, спасибо хоть на русском:

– Евгения, предлагаю вам сейчас пройти в лингвистический зал. Попросите там материалы для самостоятельного изучения... ну, наверное, вам лучше взять курс для начинающих... Там наши специальные разработки, очень хорошие. И на грамматику, и на лексику, и на аудирование. Вам это необходимо. Занимайтесь дома, если что неясно – подходите ко мне, спрашивайте...

– Хорошо, спасибо, так и сделаю, – благодарю я, неумолимо краснея. Не очень-то приятно быть хуже всех. Да вообще невыносимо.

– Знаете, где он находится? Кто-нибудь из класса прово-

дите...

– Обязательно! – подает голос Соня Смолина, и по классу прокатываются тихие смешки.

Попрощавшись, преподаватель выходит. Я собираюсь спросить у Полины, где найти этот зал, но едва успеваю открыть рот, как она стремительно убегает из аудитории. И я понимаю, что она боится со мной общаться. Боится навлечь лишний гнев этой ненормальной Сони.

Что ж, найду сама. В конце концов, это просто школа, а не лабиринт минотавра.

Иду по коридору и боковым зрением подмечаю, что за мной следует троица: Смолина и две ее подруги. Но тут ко мне подскакивает проходящий мимо математик.

– О, тебя-то как раз я и ищу! Ты сейчас куда?

– В лингвистический зал.

– Так он не там. Это на третьем этаже. Пойдем провожу, заодно поболтаем.

Он ведет меня в обратную сторону. Соня с подругами в нерешительности останавливаются. Когда мы проходим мимо них, она елеинным голосом говорит:

– До свидания, Арсений Сергеевич!

Но он лишь равнодушно отмахивается, не взглянув на нее:

– Ага, пока. Так вот, Женя, я же веду тут математический кружок... отбираю самых-самых. В общем, я думаю, ты нам подходишь...

Мне немного смешно от его самомнения, но дополнитель-

ные занятия и правда лишними не будут.

– Что скажешь? – Он обгоняет меня на лестнице и становится на ступень выше, преграждая путь.

– Я тоже думаю, что вы мне подходите, – отвечаю в его манере.

– Отлично! – широко улыбается он. – Тогда вторник и четверг велкам. В три ноль-ноль.

И убегает вниз, так и не проводив меня. Но там я и сама нахожу этот лингвистический зал. Мне выдают несколько книг и журналов и конверт с цифровым кодом от образовательной платформы. Складываю всё это в сумку, которая становится сразу как гиля.

Иду обратно и еще на расстоянии вижу неугомонную Соню и двух ее подружек. Одна – Барби, которая утром целовалась со Смолиным, вторая – чуть полноватая девушка с ассиметричной стрижкой. Кажется, Алла.

Соня сидит на подоконнике рядом с выходом на лестницу и болтает ногами. Эти две – стоят напротив нее, у стены. Они будто здесь просто так, на меня и не смотрят, говорят о чем-то своем, смеются. Но ясно же, что явились по мою душу. Вон даже на третий этаж подняться не поленились.

И нет никого вокруг. Потому что уже идет урок.

После рассказов Полины, конечно, не по себе. Не хочется, чтобы мне выбривали голову или поцарапали кожу. Но иду вперед. Что еще делать? Буду отбиваться как могу. Сумкой вот. Она теперь как раз тяжелая с этими английскими учеб-

никами.

И только когда приближаюсь к ним, Соня поворачивает голову в мою сторону. Не спрыгивая с подоконника, не прекращая болтать ногами, она тянет:

– О-о-о, какая встреча... швабра...

Я смотрю на нее и собираюсь ей ответить, как вдруг запинаясь обо что-то и лечу на мраморный пол. Слишком поздно понимаю, что одна из ее подружек выставила мне подножку, пока я отвлекалась на саму Соню. Единственное, успеваю выставить перед собой руки и хотя бы лоб не расшибаю. Но ладони и, особенно, колени... Черт, я аж зажмуриваюсь от боли. А когда открываю глаза, то вижу перед собой чьи-то ботинки. Мужские. Идеально чистые.

Поднимаю голову – Смолин. Стоит и смотрит на меня сверху вниз с такой высокомерной миной, будто это лужа тут у него на пути и он не хочет испачкаться.

И вот тут я понимаю: ну всё, приплыла. От этих трех я бы, может, еще как-то смогла отбиться. Но он... Тут вообще без вариантов. Даже без своих дружков справится со мной, не напрягаясь. Скрутит, затащит и... И что будет дальше?

Мне аж дурно становится оттого, что их извращённый ум может придумать, какие еще унижения и издевательства... И почему-то кажется, что забава с щенком была всего лишь безобидной шуткой по сравнению с тем, что они могут вытворить со мной сейчас.

Интересно, здесь есть камеры? Их просматривают? Хотя

бы!

Пытаюсь тут же вскочить на ноги. Но Соня спрыгивает с подоконника:

– Куда?!

Затем подает голос Смолин:

– Соня, постой, иди-ка сюда.

– Девочки, держите ее. Что, Стас?

Я кое-как встаю, но эти две сразу цепляются за руки. Мы боремся, я выворачиваюсь, но пока не слишком успешно. Смолин же вместе с Соней отходит на несколько шагов в сторону. О чем они говорят – неслышно, да и не до того сейчас. У меня ведь совсем немного времени, пока эти двое разговаривают, и есть хоть какой-то шанс вырваться и убежать. А потом... потом, когда они вернутся, – пиши пропало. Там уже я ничего против них не сделаю.

Поэтому бьюсь что есть сил. Пинаю Сониных подруг по ногам, они меня в ответ. Отталкиваю Яну так, что та едва не падает, но Алла тут же пребольно хватает меня за волосы, не давая убежать. И вдруг Смолин повышает голос. Даже прикрикивает:

– Да потому что, Соня, это уже ни хрена не смешно!

Наша возня тут же прекращается. Мы с удивлением смотрим на них.

Соня, которая только что ожесточенно спорила с братом, как будто вся скукоживается и, кажется, начинает плакать. А Смолин, который секунду назад казался злым, ну или крайне

раздраженным, выглядит теперь раздосадованным.

Немного поколебавшись, он притягивает ее к себе и обнимает. Утешает, наверное. А затем, держа ее за плечи, уводит. Проходя мимо меня, она тихо цедит:

– Живи пока.

Сонины подруги, отцепившись от меня, растерянно смотрят им вслед. Потом переглядываются, берут свои сумки и тоже уходят следом.

Я остаюсь одна. Ноет затылок там, где меня тянули за волосы, жжет ушибленные колени и ладони, но, подозреваю, я отделалась легкими потерями.

20. Женя

После гимназии еду к маме в больницу, а когда возвращаюсь домой, у подъезда вижу всех наших. Девчонки бросаются мне навстречу, сжимают в объятьях, будто мы не виделись как минимум год, а не всего несколько дней.

Поднимаемся всей толпой ко мне. Леська – сразу на кухню. Достает из пакета колбасу, сыр, батон.

– Девчонки, давайте быстренько сделаем бутеры на всех?

Я ставлю чайник. Парни, пока мы с девчонками возимся у стола, толкуются в дверях кухни, отпускают шуточки и сами над ними же хохочут.

Потом мы, сытые и довольные, сидим в зале, кто – где: на диване, на креслах, на ковре. Наши наперебой рассказывают со смехом забавный казус, случившийся на лабораторной по химии, а я понимаю, как дико тоскую по ним, по нашей школе, по недавней жизни.

– Ну а ты, Женька, чего молчишь? Рассказывай, как там в твоей мажорской гимназии? – спрашивает Вадик Шмелев.

Как же мне хочется пожаловаться: «Ребят, там ужасно, они вообще не такие, как мы, как все... Мне кажется, я не выдержу». Но вместо этого, улыбаюсь ему и бодро отвечаю:

– Нормально. Учусь, да и всё, – пожимаю плечами, стараясь не замечать, что Дэн сверлит меня суровым взглядом.

– Ну а как там вообще? – интересуется Леська. – Круто,

наверное?

– Круто, – соглашаюсь я. – Очень красиво, очень современно.

– А мальчики есть симпатичные? – хихикает она.

Я опять пожимаю плечами. Дэн и так мрачнее тучи.

– Я особо не приглядывалась, – слегка привираю я. Вот Смолин Леське однозначно понравился бы на лицо, она без ума от красавчиков. В общем-то, мне бы тоже, будь он нормальным. И не будь у меня Дэна, конечно.

– А чем вас там кормят? – спрашивает Ваня Дубов.

– Ой, там меню как в ресторане. На любой вкус.

– О, как классно!

– А как ты добираться туда и обратно? Измайловская гимназия – это же где-то за городом?

– У них свой автобус. Развозит персонал. Ну и меня заодно прямо до нашей остановки.

– Да чего ты скромничаешь, – хмыкнув, подает голос Дэн.

– Женьку на спортивном порше уже привозят... к самому дому...

Наши неловко замолкают. Я тоже молчу. Дэн, наверное, ждет, что я начну оправдываться или объясняться. Но я встаю и выхожу на кухню. Слышу за спиной сразу шушуканье и оправдывающийся голос Дэна:

– Да че я? Я ж просто сказал...

Следом за мной на кухню заходит Олег Хоржан.

Я наливаю воду в стакан, будто мне захотелось попить.

Но на самом деле я просто сбежала от их внимания – иначе сейчас разнылась бы. Я и так с трудом держусь, а тут еще Дэн со своей нелепой ревностью и упреками.

Хоржан стоит на пороге кухни, сначала молча наблюдает, как я давлюсь водой. Потом говорит:

– Жень, что-то случилось?

– Да нет, всё в порядке, – вымучиваю я улыбку.

– Там так плохо, да? Тебя обижают?

– Нет, правда, всё нормально. Просто... просто я еще не привыкла и... скучаю.

Олег хмурится, будто не верит мне. И в конце концов говорит:

– Если я чем-то смогу помочь – только скажи.

Я так растрогана, что в порыве обнимаю его. И сразу отхожу – вспоминаю, что Олег с трудом переносит тактильный контакт.

– Спасибо. Если вдруг что – обязательно, – говорю ему теперь уже с искренней улыбкой.

Следующий день проходит более или менее спокойно. Одноклассники меня просто игнорируют. Даже Соня и Смолин. Никогда не думала, что буду этому рада. Плохо только, что и Полина явно трусит со мной общаться, хотя и ее тоже бойкотируют. А мне так нужно ее разговорить! Но стоит мне подойти к ней – на перемене или в кафе, – она тотчас придумывает что-то срочное-важное-неотложное и сбегает.

Последним у нас физкультура. Подряд два урока. Нас объединяют с девочками из десятого класса. Но зато парни занимаются отдельно. Сегодня у них занятия в зале. Нас же гоняют по стадиону. Он, конечно, шикарный, не чета нашему. Поле – с искусственной ярко-зеленой травкой, беговые дорожки – с каучуковым покрытием. Всё очень красивое, как и везде здесь. Но к концу второго урока я едва на ногах держусь. Пот с меня в три ручья стекает, футболку – хоть отжымай. В глазах темнеет.

Смолиной, кстати, вообще на физкультуре не было. Полина, сразу без нее осмелев, сообщила, что Соня ходит только на плавание, от остального – освобождена по здоровью. И слава богу.

– Молодцы, девочки, – говорит тренер, худощавая, невысокая женщина лет сорока. Но, несмотря на свою миниатюрность, она очень жесткая. Загоняла нас просто. – В целом, хорошо сегодня поработали. Все свободны. Кроме новенькой. Задержись.

Я хочу просто сесть куда-нибудь и вообще не двигаться полчаса. Но ковыляю к ней, тогда как все остальные уходят со стадиона. Минут десять она меня еще терзает, показывая мои ошибки и заставляя переделывать упражнения. Потом, видать, понимает, что толку сейчас с меня уже никакого.

– На сегодня достаточно. Но хочу сказать, дыхалка у тебя ни к черту, мышцы зажаты, хотя все данные есть. Совсем не подготовленная к нагрузкам. В той школе вы что, на скамей-

ках все уроки просиживали?

– Нет, но к чемпионату мира нас, знаете ли, тоже не готовили.

– Ладно, всё, иди, – наконец отпускает меня.

Я возвращаюсь в раздевалку. Там почти уже никого нет, только три девочки из десятого. Иду к шкафчику, где висит моя форма и лежат остальные вещи. Набираю код, дверца открывается. К слову, вот это они отлично придумали. Потому как, зная моих новых одноклассниц, я бы побоялась оставлять вещи в открытом доступе. А так – всё в целости и сохранности и никаких сюрпризов.

– А ты что, в душ не пойдешь? – оглядывает меня одна из девочек со смесью недоумения и легкой брезгливости. – Ты что, прямо вот так будешь... после физры...?

– Но у меня ничего с собой нет... – теряюсь я. – Ни полотенца, ничего.

Все трое в ответ только смеются.

– Там же всё есть! В самой душевой. И полотенца, и халаты. На полках лежат. Зайдешь – и сразу увидишь. И фены есть, если что. У вас что, там, где ты училась, не принимали душ после физры, что ли?

В моей старой школе вообще никакого душа в помине не было. Правда, и на физкультуре мы так не потели, как здесь.

– А где душевая? – спрашиваю я.

– Так ты же сейчас мимо неё проходила. Стеклянная ма-

товая дверь.

– Да тут все двери такие.

Десятиклассницы переглядываются между собой и снова смеются.

– Ладно, пойдем покажу, – предлагает одна.

Мы выходим в коридор. Она, покрутив головой по сторонам, указывает на одну из дверей, напротив раздевалки, наискосок.

Черт, на ней и правда написано: shower room. Даже я знаю, что это по-английски значит «душ».

Я благодарю её и захожу в душевую, точнее пока в ее «предбанник». И сразу вижу стеллаж с белоснежными полотенцами. Выуживаю из идеально ровной стопки пару полотенце. А еще упаковку с тапочками и халат, тоже белый, с эмблемой гимназии, вышитой на груди. Какая бы дичь ни творилась в этой гимназии, но вот такие мелочи все равно удивительны и приятны.

Прохожу дальше, во вторую комнату. Там в центре – длинные скамейки, а вдоль стен – тоже шкафчики. Видимо, здесь раздеваются, что я и делаю, складывая вещи в крайний шкафчик. Халат пока оставляю там же и иду в душ головой. На мою удачу, здесь никого нет, все девушки уже ушли. При ком-то мне было бы, конечно, не слишком комфортно... мягко говоря.

Захожу в ближайшую кабинку. Включаю воду и некоторое время просто наслаждаюсь тропическим душем. Запро-

кинув голову и закрыв глаза, подставляю лицо прохладным струям. Затем прибавляю горячей воды, потом снова делаю похолоднее. И вскоре гудящие от перенапряжения и усталости мышцы успокаиваются, а голова – проясняется.

Обернувшись полотенцем, слегка подсушиваю волосы феном и иду одеваться. Но едва я начинаю разматывать полотенце, как слышу хлопок двери, а затем шаги. А в следующую секунду заходит псих, на ходу снимая майку. Меня он пока не замечает.

Но я от неожиданности вскрикиваю и лихорадочно прижимаю к груди полотенце, которое уже почти размоталось и теперь висит с одного бока чуть ли не до щиколотки, а с другого – наоборот, почти не прикрывает.

Смолин от моего крика вздрагивает и несколько секунд тоже ошалело таращится на меня.

– Ты что здесь делаешь?! – Наконец ко мне возвращается дар речи. – Ты в своем уме? Ты зачем сюда вошел?

– Что я здесь делаю?! – взметнув брови, переспрашивает он. – В мужском душе?!

– Что? Как? Это мужской... – И всё моё возмущение ментально сметает жгучий стыд.

Он отбрасывает майку на скамейку и, сунув руки в карманы шорт, разворачивается ко мне, демонстрируя свой безупречный атлетический торс. Я же, судорожно вцепившись в полотенце, готова немедленно провалиться сквозь пол. Раствориться в воздухе. Исчезнуть. Только бы скрыться от его

теперь уже наглого взгляда.

Первый шок его отпустил, и сейчас Смолин бесстыже разглядывает меня и развязно ухмыляется. Я прижимаюсь спиной к шкафчику, чтобы он не мог увидеть меня сзади, там-то даже полотенце меня не прикрывает.

– Выйди, пожалуйста, – прошу его как человека. А у самой лицо полыхает огнем.

– С чего бы? – хмыкает он и, сволочь, склонив голову набок, нарочито скользит оценивающим взглядом по моим голым ногам.

– Мне нужно одеться.

– Одевайся, – пожимает плечами он. – Кто мешает?

– Ты мешаешь!

– Ну охренеть! – издает он смешок. – Я тебе мешаю? В мужском душе?

– Я не знала, что это мужской...

– Твои проблемы, – глумится он. Подходит ближе, останавливается буквально в метре от меня, опершись плечом о соседний шкафчик.

Это ж надо было вляпаться в такой конфуз!

Я задыхаюсь от смущения и стыда. И не успеваю ничего ему ответить, как в душевую с шумом и смехом заходят остальные парни. Много парней! Целая толпа! Из нашего класса и из десятого. Пока они еще там, в предбаннике, разбирают полотенца, но через пару секунд будут здесь и увидят меня... И вот тут я осознаю весь ужас своего положения.

Мне делается тошно. Меня трясет. Мысли панически скачут: боже, что сейчас будет? Что делать?

И вдруг Смолин поворачивается ко мне спиной, а лицом – ко входу, где уже показались Милош, Руслан и кто-то еще.

– Э, пацаны, тормозим, у нас тут гости. Подождем там пару сек.

Он вразвалочку шагает им навстречу и останавливается на пороге, преграждая собой путь.

– Стас, а кто? Кто там? Девка, что ли? Оу! А кто такая? – начинают галдеть еще громче и ломиться активнее. – Дай посмотрю...

– Тут подождем, говорю, – повышает голос Смолин, не давая никому пройти.

– А-а, это с тобой, что ли? Ну вы даете!

Даже думать не хочу, кто и что там нафантазировал. Как только Смолин выходит сам и выводит всех, я молниеносно выдергиваю халат из шкафчика, надеваю его и завязываю пояс потуже. На всё про всё у меня уходит буквально пять секунд.

Забираю оставшиеся вещи, натягиваю «покер-фейс» и, умирая внутри от стыда, иду на выход. Мимо толпы парней, которые с жадным любопытством разглядывают меня. Спасибо хоть без комментариев. Лишь когда выскакиваю в коридор, слышу из-за двери, как среди них начинается бурное оживление.

21. Женя

– Ну, расскажи, что там было? – пристаёт ко мне Полина.

Сегодня она сама под села ко мне на обед. Ее настолько разбирает любопытство, что она даже Сониного гнева не побоялась.

– Где? – спрашиваю я, хотя и так догадываюсь, о чем она.

– Ну... в душе. Кто что болтает... Рус говорит, что вы там со Стасом были...

– Со Смолиным? Да ты что? Бред какой! – возмущаюсь я нелепым намекам. – Это дурочки из десятого решили так остроумно пошутить и отправили меня в мужской душ. Сказали, что это женский. Я туда зашла, а следом – Смолин.

– И? – она подается ближе, как будто боится пропустить хоть слово. У нее аж глаза блестят. Но я, конечно же, не собираюсь рассказывать про свой вчерашний конфуз. Дай бог забыть его скорее.

– Ну... я просто вышла и всё.

– А-а, – слегка разочарованно тянет Полина. – И что, Стас ничего не сказал? Ничего не сделал?

– А что он должен был сделать?

Она пожимает плечами.

– От Стаса всего можно ждать...

Раз уж Полина сама затеяла разговор, да тем более речь зашла о Смолине, то и я, пользуясь случаем, спрашиваю ее

о том, что меня интересует больше всего.

– Полина, а когда они с тобой... это сделали? – киваю я на пышный хвост, прикрывающий половину головы.

Она сразу сникает.

– В прошлый понедельник. В субботу была та чертова вечеринка, ну на которой мы с Шаманским целовались. Ну а в понедельник я пришла на уроки... а Соня уже всё знает. Блин, ужас такой... – Полина на миг закрывает глаза и тихонько содрогается. – На перемене она подошла ко мне и сказала, что надо поговорить. Велела прийти после уроков в спортзал. Я думала, мы просто объяснимся... ну, мы же дружили... Извинюсь, думала... Я же понимаю, что виновата. Но я никак не ожидала, что они там... что будет такое...

Я с понимающим видом киваю ей, а сама мысленно прикидываю: маму тоже увезли на скорой в понедельник. И Платонов говорил про спортзал. То есть он просил маму сказать, что плохо ей стало в спортзале. Совпадение? Вряд ли.

Сильно бомбить ее вопросами я опасаясь. Полина запугана, чуть переусердствуешь – и она опять замкнется. Поэтому я пока просто сочувственно поддакиваю ей.

– Это кошмар, конечно. Вообще шок. Представляю, как тебе было страшно и плохо... Они втроем на тебя... на одну? Или еще кто-то был?

– Сначала втроем, потом Стас ещё пришел...

– Он что, тоже над тобой издевался? – изумляюсь я.

– Он... – начинает Полина и замолкает. – Я не хочу боль-

ше про это.

– Наоборот, выговорись, легче станет.

– С чего бы? – вдруг злится она. – Волосы, что ли, быстрее отрастут? Или я забуду, как они все в меня плевали? Как царапали меня?

Она закрывает лицо ладонями.

– Тебе станет легче, если их за это накажут, – говорю ей.

Несколько секунд она никак не реагирует, словно меня не слышит. Потом убирает руки и горько усмехается.

– Кто их накажет? Не смейся. Да и не хочу я, чтобы про мой позор знали предки или кто-то еще.

– Это не твой позор. Это их позор, – горячо возражаю я. – Это им должно быть стыдно за то, что сделали. И зря ты думаешь, что им прямо совсем ничего за такое не будет. Не будет – если никто ничего не узнает. А если узнает...

– И что? Даже если узнает, что с того?

Я вспоминаю, как лебезил Платонов перед их отцом. Как заверял, что всё останется в тайне. Что ни одна живая душа ни о чем не прознает. Зачем бы тогда они так суетились? Значит, не такие уж они и неуязвимые, если боятся, что правда вскроется.

– У них отец – публичное лицо, между прочим. Это же такой скандал будет!

– А тебе-то какая разница? – хмурится Полина. – Не над тобой же они издевались.

С минуту я колеблюсь. В конце концов, если я жду от нее

искренности, то скрытничать самой не получится. У нас же с ней общее несчастье и, можно сказать, общий враг.

– Они маму мою довели... она до сих пор даже встать с постели не может... insult у нее... повторный... из-за них. Правая сторона не работает... И восстановится ли – неизвестно, – голос у меня начинает дрожать, и я ненадолго замолкаю, чтобы взять себя в руки. – Поэтому для меня очень даже большая разница. Я думаю, что они и над ней поиздевались... скорее всего, тогда же. И там же.

– С чего ты решила, что это Смолины? Может, это вообще не из нашего класса.

– Из нашего. Я слышала разговор Платонова. Он сказал, что меня зачислят в тот класс, где учиться... виновный. Правда, не назвал фамилию, но узнать ее – всего лишь дело времени. Все равно рано или поздно это всплывет. Всё тайное всплывает. И тогда... тогда они за всё ответят.

– Да ну, – скептически морщится Полина. – Такие как Смолины всегда выходят сухими из воды.

– Потому что такие, как ты, молчат вместо того, чтобы вывести их на чистую воду. Полин, ну как ты не понимаешь, что они сами боятся? Боятся, что об этом узнают? Потому и замать стараются. Подкупить, запугать... Значит, надо сделать так, чтобы все всё узнали. Про тебя, про маму, может, и еще про что-то...

– Ну не знаю, – нерешительно пожимает плечами Полина. И это уже хорошо. По крайней мере, зерно сомнения я в ней

посеяла.

— А почему ты уверена, что это Смолины? Ну, что это они маму твою довели...

— Я не то что уверена. Это, скорее, догадки. Если бы была уверена, я про них уже везде раструбила бы, молчать бы не стала.

— Ясно... — вздыхает она.

— Полин, а ты что-нибудь знаешь про мою маму? — спрашиваю с надеждой.

Подумав, она качает головой.

— Нет, я ничего не помню... не знаю...

А мне почему-то кажется, что она врет. Боится и врет. Ну или у меня уже паранойя.

После уроков все расходятся, а я иду на математический кружок.

К моему удивлению, кроме меня там всего три человека, не считая преподавателя. Однако еще больше я удивляюсь, когда спустя десять минут сюда заявляется Смолин.

Честно говоря, я даже не знаю, зачем он пришел, потому что мы решаем, а Смолин просто сидит, подперев щеку рукой, и откровенно скучает. Пару раз преподаватель задает ему вопросы, не слишком сложные, и тот отвечает, но так свысока, так небрежно, будто великое одолжение делает.

А ближе к концу занятия Арсений Сергеевич просит его

выполнить небольшое, но заковыристое задание. Я и сама сначала не поняла, что оно с подвохом и не имеет решения. Смолин же долго что-то пишет, стирает, черкает. Озадаченно хмурится, трет затылок, взъерошивает волосы, что-то бормочет под нос, но не понимает, что не так.

– Евгения, не поможете Стасу? – обращается ко мне Арсений Сергеевич и добавляет с явным ехидством: – А то он что-то у нас совсем потерялся.

– Здесь нет решения, – с места говорю я.

И математик, просияв, восклицает:

– Верно! Евгения – молодец. А ты, Стас, увы и ах... сел сегодня в лужу...

Смолин бросает на него тяжелый и мрачный взгляд, прямо-таки убийственный, но ничего ему не отвечает. Я вижу, что он очень уязвлен, и с трудом сдерживается, чтобы не наговорить резкостей. Мне тоже не по себе. Не люблю, когда людей унижают, даже если это псих. Только математик рад – щелкнул Смолина по носу и теперь страшно собой доволен.

Попрощавшись с нами, он выходит. Остальные ученики тоже быстренько покидают аудиторию. Не знаю, почему я не вылетаю вслед за всеми, а, наоборот, даже медлю, складывая вещи в сумку. И между делом поглядываю украдкой на психа. Он так расстроился, что даже забавно. Ведь это же такая мелочь, а на нем прямо лица нет. Есть в этом что-то по-детски трогательное. Ну, или это мой какой-то загон. Когда Дэн сильно расстроен, меня тоже трогает и прямо пробивает на

нежность.

Уткнувшись в телефон, Смолин кому-то что-то пишет, потом вдруг резко поднимает на меня глаза.

– Что? – спрашивает с наездом.

– Ничего.

Он возвращает всё внимание в телефон, но лишь на несколько секунд, затем снова бросает на меня взгляд. На этот раз уже не столько раздраженный, сколько внимательный. Даже, я бы сказала, заинтересованный. Он убирает телефон в карман и неспешно направляется ко мне, плавно огибая столы между нами.

Я тут же начинаю нервничать. Какого черта я тут торчала, еще и пялилась на него? Уже бы ушла давно спокойно!

Когда он подходит ближе, говорю первое, что на ум пришло.

– Спасибо, что вчера все-таки дал мне одеться и уйти... и что других задержал...

Я, между прочим, совершенно искренна. Хоть он и псих, хоть я и злюсь на него, и вообще считаю не самым приятным человеком, не говоря уж про мои подозрения, но вчера он всё-таки спас меня от жуткого позора. И я благодарна за это. Но только за это.

Раздражение и огорчение в нем исчезают окончательно. Смолин на глазах превращается в себя прежнего: наглого, самодовольного мажора. Все-таки расстроенным он выглядел куда привлекательнее.

– Пожалуйста, но за тобой теперь должок, – ухмыляется он.

– Ладно. Если однажды окажешься в женском душе, я тоже дам тебе уйти.

А он в ответ вдруг смеется, так просто и искренне, будто и не усмехался глумливо всего секунду назад. И я вдруг ловлю себя на мысли, что люблюсь им в этот момент. Ему идет вот так смеяться. Даже не потому, что у него красивые белоснежные зубы, как с рекламы зубной пасты. А потому что так он выглядит как абсолютно нормальный человек. Правда почти тут же Смолин добавляет с пошловатой улыбкой:

– О, если я окажусь в женском душе, то вряд ли захочу уходить...

22. Стас

В выходные отец с Инессой укатили на какие-то острова. Праздновать свою годовщину. Так что целую неделю мы с Сонькой – вольные птицы.

Хоть отец и велел быть тише воды ниже травы, она, конечно, сразу же позвала Яну с Аллой. Ну а следом на стихийную вечеринку подтянулись Влад, Милош и Рус.

Сначала мы зависаем в бильярдной, потом Сонька тащит всех вниз, к бассейну.

– Блин, жарко тут у вас, – тянет Яна, обмахиваясь тканевой салфеткой. – Знала бы, купальник взяла.

– Хочешь, мой какой-нибудь возьми, – предлагает ей Сонька.

– Стас, так а чё, ты Швабру прям голой видел в душе? – спрашивает вдруг Влад и изображает руками пышные формы. – И чё? Как она?

С Сонькиной легкой руки все в классе новенькую зовут шваброй. А про то, как она в среду забурилась в наш душ, кто только не обсудил.

– Говорю же – в полотенце она была, – отвечаю ему и на миг зависаю, как будто опять вижу перед собой её. Пылающую от смущения. Жмущуюся голой спиной к дверце шкафа. Прижимающую к груди свое дурацкое полотенце. И меня тут же опять ведет. Кровь горячо ударяет в голову, серд-

це влёт разгоняется, а в горле пересыхает. Сглотнув, тянусь за бутылкой минералки и жадно пью воду, с трудом отгоняя этот морок. Реально, какой-то навязчивый бред.

– Надо было сдернуть с нее полотенце... – в шутку предлагает Рус.

Я уж молчу, конечно, что в мыслях так и сделал.

– Ага. И нафоткать, – подхватывает Влад. – А Стас, блин, еще и не пропустил никого, посмотреть не дал. Ни себе, ни людям...

– Да было бы там, на что смотреть и что фоткать, – кривлюсь я. Не дай бог кто-нибудь просечет, какая дурь мне в голову приходит. Сам от себя в шоке.

– Вот именно, – поддакивает Яна. – Жаба мелкая.

– А кто вообще придумал отправить Швабру в мужской душ? – спрашивает Рус.

– Мы, – хвастливо отвечает Сонька, переглядываясь с Аллой. – Подговорили девчонок из десятого. Хотели приколоться над ней. Думали, вы всей толпой после физры завалите, а там – Швабра. Решили вам сюрприз устроить... Думали, поржем потом все вместе...

– А Стас всех обломал, – подытоживает Влад с деланно кислой миной.

Тут к нам бесшумно приближается один из охранников. Наклоняется ко мне и тихо сообщает:

– К вам там пришли.

– Кто?

– Девушка. Полина Меркулова. Просила передать, что у нее для вас есть кое-что важное...

– Для меня? – удивляюсь я.

– И для Софьи Викторовны, – многозначительно добавляет чуть громче охранник.

– Капец! Вы слышали? Меркулова сюда приперлась! Что этой рыжей твари надо? – моментально сатанеет Сонька. – Совсем страх потеряла, что ли? Я ж ее прям тут в бассике утоплю...

– Сонь, угомонись, а? – одергиваю ее. – Где она?

– За воротами. Пропустить?

– Да, проводи ее сюда, – говорю ему.

– Стас! Ты чего? – обескураженно тянет Сонька, но затем, скрестив руки на груди, откидывается на спинку стула и с азартом выдает: – А хотя... пусть заходит! Уж мы ее встретим, да, девчонки? И теперь нам никто не помешает...

Замечаю, что Рус вдруг занервничал. Сидит елозит. Бросает беспокойные взгляды то на Соньку, то на дверь, откуда вот-вот должна появиться Меркулова. Нравится ему рыжая, что ли? Может, поэтому просил тогда Соньку унять? Впрочем, пофиг.

Спустя несколько минут всё тот же охранник приводит к нам Меркулову и сразу удаляется. Она беспомощно смотрит ему вслед. Со стороны видно, как ее потряхивает от страха.

– Ну, – зловеще улыбается моя Сонька. – Зачем притащилась? Снова каяться? Невиноватая я, он сам пришел...

– Нет... то есть... – лепечет Полина. – У меня для тебя важная инфа.

– Как интересно... – усмехается Сонька. – Хотя вообще-то нет. Мне пофиг, что ты там хочешь сказать, поняла? Я тебя даже слушать не собираюсь. Но раз пришла, просто так ты отсюда не уйдешь.

Меркулова смотрит на нее затравленно, а я с интересом наблюдаю за Русом: что он скажет? Но он молчит. И вообще отвернулся. Не хочет смотреть, как будут Полину унижать?

– Это правда важно... вас касается... поверь... – чуть ли не хнычет Меркулова, но девчонок это только веселит.

– Поверь... – передразнивает ее Сонька. – Я тебе уже верила! И что? Что ты сделала?

– Прости меня... – потупив глаза, бормочет Меркулова.

– Так прощения не просят. На коленях давай проси... И повторяй: «Прости меня, рыжую суку, подлую шлю...»

– Сонь, всё, сбавь обороты, – вмешиваюсь я, пока она не вошла в раж. – Полин, ты что нам сказать хотела? Говори уже.

– Стас, ну тебе реально охота знать, что эта лживая мразь наплетет? Она же что угодно придумает, лишь бы мы забыли про ее маленькие шалости...

– Это про новенькую... про Швабру... – обращается теперь только ко мне Полина.

– О, ну да, – издает смешок Сонька. – Это прямо капец как важно...

– Она всё знает, – продолжает Меркулова.

– Кто знает? Что знает? – переспрашивает Сонька, но вижу, до нее и так доходит смысл.

– Швабра знает, что сделали с ее матерью. Она знает всё. Ну, почти всё. Где, когда, кто... Она сама мне об этом сказала.

– А она откуда это знает? – спрашиваю я, моментально напрягаясь.

– Кое-что – от Платонова. Он обсуждал это с кем-то, а она подслушала. Кое-что – еще где-то выведала. Она же ходит тут ко всем подмазывается, типа в подружки набивается, а сама выпрашивает. Она и со мной так же.

– Вот ведь крыса! – ахает Сонька.

– Да она специально к нам перевелась. Чтобы все разноухать. Чтобы следить за каждым шагом... И теперь она ищет доказательства и собирается всё-всё слить везде, куда только можно. Сказала, что у вашего отца будут проблемы. А у вас так вообще... Она и меня подбивает рассказать... ну, о том, как вы меня...

– Наказываем за подлое предательство? – добавляет Сонька, а сама аж бледнеет на глазах.

– Ну, типа травите и всё такое... – опускает голову Полина.

– А ты что?

– А я вообще сначала сказала ей, что это не вы... ну, с ее матерью... что, типа, кто-то другой, не из нашего класса. Но

она сказала, что знает точно, что это вы. И потом стала меня уговаривать слить вас. Ну и я сразу к вам.

– А что там с ее матерью? Она поправилась? – спрашиваю я.

– Не знаю, вроде нет... вроде всё плохо с ней, но я точно не помню, – пожимает печами Меркулова.

– Какая же она сука... – дрожащим голосом произносит Сонька. На нее сейчас смотреть страшно. Протягиваю ей стакан воды.

– Попей.

Она на автомате пьет, потом поднимает на меня глаза, а в них – страх, мольба и ярость.

– Стас, что делать?

– Сонь, успокойся, – обнимает ее за плечи Яна. – Ну какие она может найти доказательства? Кроме нас никто ничего не знает. А мы ничего никому не скажем. Да, Аллочка?

– Конечно! – заверяет Алла.

– Да она тут всего неделю и уже знает больше, чем надо! – взвизгивает Сонька. – Блин! А если еще будет ходить всё вынюхивать. Подслушивать, подглядывать, везде совать свой нос... Прикиньте, каждый день за нами эта хитрая пронырливая тварь будет следить... Какая же она мерзкая скользкая гадина... А ты, Стас, еще и впрягался за нее! Защищал!

– Когда это я за нее впрягался? Что ты несешь? – тут же вскипаю я.

– Возле лингафонного зала! Наорал на меня еще из-за

нее! И сейчас опять на меня злишься... – говорит она с обидой. И взгляд ее теперь такой несчастный, что у меня сразу в груди екает и вся злость сходит на нет.

– Дурочка, да пофиг мне на нее. Я же просто не хочу, чтобы у тебя были лишние проблемы. Не накручивай себя раньше времени, – успокаиваю я Соньку, у которой, по ходу, вот-вот истерика начнется. И тогда атас.

– А когда накручивать? Когда уже будет поздно?

– Да, может, она просто на понт берет.

– Нет, надо что-то делать! Срочно! Надо эту тварь как можно скорее выжить из гимназии. Чтобы вылетела как пробка! Чтобы ноги ее здесь не было!

– Завалить гадину! – паясничает Влад, но тут же затыкается, нарвавшись на Сонькин взгляд убийцы. – А если серьезно, можно ее, например, накачать чем-нибудь, раздеть и нафоткать. И пригрозить, что если не свалит, то все увидят эти фотки, а еще лучше видос с ней запилиить...

– Тебе бы только фоткать, папарацци ты наш, – усмехается Яна.

– Нет-нет, – останавливает ее Сонька. – Владик дело говорит. Если у нас будет такое видео, ну или даже фотки, она точно свалит. Она же не захочет, чтобы ее мамашка видела свою дочурку в таком виде. Так что уползет она от нас, как побитая собака.

Сонька, сразу приободрившись, говорит теперь с воодушевлением.

– А это реально идея! – поддерживает ее Алла.

– Да вы чего? Это уже совсем треш какой-то. Чем вы ее накачивать собрались? И где? В школе на обеде? А раздевать и фоткать? Опять в спортзале? Да нас самих потом за это нахлобучат, – снова завожусь я. – А если она вдруг кони двинет? Ну или плохо ей станет? Блин, Соня, ну ты думай хоть иногда о последствиях.

– Стас, – обращается она ко мне со всей серьезностью. – Ты же понимаешь, что будет, если эта тварь раскроет рот? Если это реально просочится куда-то дальше? Ты же понимаешь, что будет со мной? С тобой? С всеми нами?

К сожалению, понимаю...

– Стас, надо заткнуть ей рот раньше, чем она его откроет. Милош, можешь достать что-нибудь такое... не знаю, чтобы ее ненадолго срубило, но чтобы без всяких эксцессов?

– В принципе, да, наверное... но мать... если узнает... там же у нее всё под учетом...

– Милош, – Сонька с Аллой тянут укоризненно.

– Я попробую, – сдается он.

– Обожаю тебя, – Сонька шлет ему воздушный поцелуй и деловито продолжает дальше: – Ну и, естественно, это будет не в школе, а на какой-нибудь вечеринке. Типа она там сама так накачалась. Пусть потом докажет, что это не так.

– На какой еще вечеринке? Идиотизм, блин. Где вечеринки и где она.

– Да, Стас, прав. Швабра, конечно, не вписывается в наши

вечеринки. Полин, – зовет Меркулову Сонька, и та с готовностью откликается. Подходит ближе, ловя каждое слово. – Ты правильно сделала, что нам передала про эту суку. Поможешь ещё кое в чем, и будем считать... будем считать, что я тебя простила.

– Да, конечно! А что сделать надо?

– Устрой у вас в загородном доме вечеринку. И позови туда Швабру.

– Ну, она вряд ли пойдет, – озадаченно бормочет Меркулова.

– А ты сделай так, чтобы пошла! Ну скажи, что у тебя днюха. О, или скажи, что там будет кто-нибудь, кто про ее мать что-то знает. И она прибежит как миленькая...

23. Женя

Новая неделя начинается гораздо спокойнее, чем предыдущая. Особенно если вспомнить, что тогда в первый же день меня силой увез псих черт знает куда и чуть до инфаркта не довел. Про его сестрицу вообще молчу.

А сейчас ни они, ни кто-то еще из класса ко мне не цепляется. Смолин меня просто в упор не видит. Я с ним по глупости поздоровалась в понедельник утром, а он прошел как мимо пустого места. Ни ответил, ни взглянул. Это меня не то чтобы задело, но удивило.

В прошлую пятницу он был немного разговорчивее. После уроков я шла по пустому коридору, и мне позвонили. Я остановилась, стала искать телефон среди учебников и тетрадей. Для удобства оперлась о стену, но когда выудила содовый из недр сумки, звонок уже завершился. Это был Дэн, и я решила, что позже перезвоню. И тут открывается дверь, возле которой я стояла, и выходит Смолин.

– Опять ты, – хмыкнул он. – Тебя прямо тянет в такие места.

– В какие места? – не поняла я.

– Это мужской туалет, – кивает он на дверь, откуда вышел.

Ну не объясняться же с ним, что я тут случайно остановилась. Это глупо. Поэтому я просто улыбнулась ему и сказала:

– Спасибо, буду знать.

– Велкам, – бросил он небрежно.

Мы с ним вместе вышли на улицу и направились в сторону стоянки. То есть нет, конечно. Не вместе. Просто одновременно. Он шел впереди, я – следом, чуть поодаль. Он – к своему вызывающе-шикарному спорткару, а я – на автобус... который вдруг тронулся с места и поехал.

Я рванула вперед, но, конечно, не успела. Слишком большое расстояние, да и я не спринтер.

– Что, автобус проворонила? Могу до города подкинуть, мне по пути сегодня, – неожиданно предложил Смолин.

Я, конечно же, отказалась. Все-таки кто его знает, этого психа. Прошлый раз в его машине стоил мне уймы убитых нервов. Лучше уж дождусь своего автобуса, решила я, и спокойненько доеду.

Он настаивать, разумеется, не стал. Сел в свой Порше и умчался. Но это же все равно был какой-никакой контакт. А теперь – полный игнор.

Ну а Соню так вообще будто на выходных подменили. Она не задирает ни меня, ни Полину. Даже шваброй за весь день ни разу меня не назвала.

Полина аж повеселела и немного раскрепостилась, а то все прошлые дни была зажата, запугана и напряжена, как будто каждую секунду ожидала удара. И общается со мной теперь легко, не озираясь трусливо по сторонам, как раньше.

Во вторник после уроков мы вместе выходим из аудитории.

– Ты домой? На свой автобус сейчас? – спрашивает она меня.

– Нет, у нас же математический кружок.

– А-а, – теряя интерес, тянет она. Затем вспыхивает: – Слушай, у меня же завтра вечеринка будет. Приходи в гости?

От такого неожиданного предложения я прямо теряюсь.

– Среди недели? – удивляюсь я.

– Ну а что? Что поделать, если у меня завтра день рождения? – пожимает она плечами.

– О, так ты завтра именинница? Слушай, даже не знаю... – бормочу я. С одной стороны – мне вообще сейчас не до вечеринок. А с другой – мне надо с ней сблизиться, а то так и буду терзаться одними догадками и подозрениями. – Ну если только ненадолго... А это где будет?

– В нашем загородном доме. В Патронах. Это так-то далеко от города. Так что ненадолго не получится, – хихикает она. – Приезжай ко мне с ночевкой. Предков не будет.

Патроны? Это вообще где? Я даже места такого не знаю.

– Это коттеджный поселок в сорока километрах от города по Александровскому тракту. Давай сразу после уроков завтра туда поедem. Поможешь мне... Потом чуть позже кто-нибудь еще подтянется...

Я так и стою в растерянности. И отказаться неудобно уже, но и к ночевке в каких-то неведомых Патронах я тоже не готова.

– А кто еще, ты говоришь, подтянется? – интересуюсь я.

– Да так... с нашей школы кое-кто... ну, Соньки точно не будет, не переживай. О, слушай... тебе все еще интересно, что там с твоей мамой произошло? Будет же у меня парень один знакомый, из десятого, Лешка. Он вроде что-то видел или слышал... тогда еще рассказывал, но я плохо помню, не особо слушала его... Вот! Ты можешь с ним познакомиться да порасспрашивать, – широко улыбается она.

И меня тут же захватывает. Я даже думать больше ни о чем не могу.

– Кто он, говоришь? Из десятого класса? Алексей? Они уже ушли, не знаешь?

– Да погоди ты. Не думаешь же ты просто так подойти к нему и в лоб спросить. Так он тебе ничего не ответит. Пошлет и всё. А на вечеринке познакомишься, поболтаешь, ну и потом...

– Да, ты права, – вздыхаю я. – Просто мне же в больницу надо каждый день... к маме... Я не могу с ночевкой.

– Хорошо, давай сделаем так. После уроков съездишь в свою больницу, а оттуда на такси ко мне. Ты позвони, как освободишься, и я тебе сама вызову.

– Да не надо...

– Надо! К тому же ты не знаешь, куда ехать.

Я, конечно, соглашаюсь.

– А что тебе подарить?

Полина на мой вопрос только смеется.

– Ничего. Ты что? Ну какие подарки?

– Ну как? – озадачиваюсь я. – У тебя же день рождения.

– И что с того? Нет, реально, Жень... Ну что ты мне можешь подарить? – спрашивает она со снисходительной усмешкой. – Ой, да и вообще у нас это не принято. Мы просто приходим и тусим. Так что не заморачивайся, никаких подарков не надо.

– Как скажешь, – пожимаю плечами. Мне же проще, хоть меня и уязвило слегка это её «ну что *ты* мне можешь подарить?». Нет, она наверняка права. Но если бы не обещанный Леша из десятого, который что-то знает, я бы, пожалуй, тут же отказалась.

– Ну ты точно будешь? – переспрашивает она, уловив перемену моего настроения. – Сто процентов? Я могу рассчитывать на тебя?

– Да, точно, буду.

– Класссс! – радуется она так, словно я для нее чрезвычайно важна. Меня даже слегка обескураживает, но я отгоняю эти мысли.

24. Женя

Как мы и договорились вчера с Полиной, я звоню ей после больницы. И уже через пять минут меня забирает такси. А вот к ней потом мы едем очень долго.

Мне ужасно неловко. Еду за ее счет, с пустыми руками... но что уж теперь.

Спустя час, не меньше, мы добираемся до коттеджного поселка и вскоре останавливаемся, видимо, возле ее дома. То, что именно здесь проходит вечеринка, спутать невозможно. Даже с улицы слышно, как внутри грохочет музыка. Сам коттедж огорожен высоким забором, но ворота гостеприимно распахнуты.

Меня опять свербят сомнения, но, заглушив их, иду уверенно к дому. Внушаю себе: это же всего лишь вечеринка. И вдруг действительно удастся что-то выяснить.

Входная дверь тоже приоткрыта, но ради приличия я все же звоню. Впрочем, никто не отзывается, и я вхожу. И тут Полина как раз идет с пустыми бокалами. Увидев меня, сует бокалы какому-то парню и подскакивает ко мне.

– С днем рождения! – поздравляю ее.

– А? Чего? А! Спасибо! – заливается она смехом. – Идем, я тебя со всеми познакомлю.

Она затягивает меня в гостиную слева от входа, настолько огромную, что я теряюсь. Одна эта комната намного больше

всей нашей квартиры. Обстановку разобрать трудно, так как свет приглушен. Но вижу, что здесь полно кресел и несколько диванов, а посередине – свободное пространство, и кто-то уже танцует. С облегчением отмечаю, что народу не так уж много. Человек десять, может, двенадцать.

Тут Полина делает музыку тише и громко объявляет:

– Внимание! Вот моя новая подруга и одноклассница Женья. Знакомьтесь, общайтесь. Она классная!

Кто-то мне машет, кто-то улыбается, кто-то, мазнув равнодушным взглядом, тут же отворачивается. Полина уже куда-то снова рвется бежать, но я ее останавливаю.

– Кто здесь Леша?

– Какой Леша? А-а, Лешка... его еще нет. Скоро будет. Ты садись пока куда-нибудь, располагайся... Я тебе сейчас налью чего-нибудь... Блин, где бокалы?

Она крутит головой по сторонам.

– Нет, не надо, я не пью.

– Пфф. Это безалкогольный пунш, ты чего? Я его сама готовила из свежих фруктов, – сообщает она. – Куда он бокалы-то сунул? Ладно, на кухне еще есть. Сейчас принесу...

Она выскакивает, я и сказать ничего не успеваю. Устраиваюсь на одном из диванов. Через пару минут возвращается Полина с бокалом чего-то ярко-оранжевого.

– Вот, попробуй. И только скажи, что невкусно! – частит она вся в возбуждении. Нет, правда я такой заполошной ее не видела ни разу.

Я делаю глоток, другой.

– Это вкусно, – привираю я из вежливости. Нет, на самом деле напиток вполне себе приятный – фруктовый такой, немного терпкий, немного пряный, не приторный, но отдает корицей. А я ее с детства терпеть не могу. Но пью, не обижать же именинницу. Точнее, цежу потихоньку, наблюдаю за танцующими и жду этого Лешу.

Спустя время приходят какие-то парни. Встрепенувшись, подзываю Полину:

– Это Леша?

– А? Нет. Но он вот-вот должен быть. Он звонил... что там в дороге застрял... А это парни вообще не из нашей гимназии, они живут со мной рядом... Макс и Кирилл. Познакомить?

– Нет-нет, – отказываюсь я.

– Ну ты чего такая скучная-то? – смеется она. – Отличные парни! Не кусаются. Макс уже в универе учится. А Кирилл... не помню. Но они классные.

– А когда примерно Леша приедет?

– Ну не знаю, может, через полчаса будет. Ты что, куда-то торопишься? Вливайся в компанию. Потанцуй вон с девчонками... О, давай я тебе еще пунш принесу?

Она выхватывает у меня полупустой бокал. Возвращается опять с полным. Но меня уже мутит от корицы, и я незаметно отставляю ее пунш в сторону.

Но тут отличные парни обращают на меня внимание и

подсаживаются рядом. Что-то говорят, я почему-то плохо их понимаю. Меня вообще слегка мутит. Дурацкая корица... Да еще и музыка громко играет. А перед глазами моментами немного двоится. Но сморгнешь – и вроде ничего.

В очередной раз я бросаю взгляд на вход и просто немею... Смолин собственной персоной. А с ним его Барби и верная тройца друзей. Ничего не понимаю... Они ведь в конфликте с Полиной.

Тут один из парней приобнимает меня за плечи и отвлекает от Смолина. Хочу скинуть его руку, но чувствую себя какой-то ватной и размякшей. Прямо так и хочется встряхнуться, разогнать кровь, сбросить это дурацкое оцепенение. И в этот момент, слышу, начинается, как по заказу, «You're Not Alone» Мэтта Нэша. А я ее обожаю просто. Делаю над собой титаническое усилие и встаю с дивана. Присоединяюсь к танцующим и будто растворяюсь в ритме. Прямо второе дыхание открывается. Собственное тело теперь кажется невероятно гибким и пластичным. На миг я смыкаю веки, а когда открываю глаза, прямо напротив себя вижу Смолина. На том самом диване, где только что сидела я сама. Отличных парней и след простыл.

Он смотрит на меня. Неотрывно. Долго. Мне немного неловко, как будто я танцую тут перед ним. Но будет, наверное, совсем нелепо, если я в смущении сбегу. К тому же не одна я тут танцую. Хотя на остальных он не смотрит. Только меня одну прожигает взглядом.

К нему подсаживается Барби, дергает его, пытаясь привлечь внимание, но даже тогда он не отводит взгляда. А от нее только отклоняется.

Да ну его к черту!

Отвожу глаза, но... почему-то совсем ненадолго. Он будто притягивает к себе. И я снова напарываюсь на его взгляд. Тяжелый, немигающий, горящий. И меня вдруг пробирает до мурашек. Пронизывает насквозь. Его взгляд будто наэлектризовывает меня. Заряжает какой-то странной энергией, от которой не только пылает кожа, но и в груди становится горячо и тесно. Я неожиданно ловлю себя на мысли, что теперь мне даже нравится, как он на меня смотрит. И сама смотрю в ответ так же неотрывно. А вскоре я и вижу только его глаза, а все остальное теряет очертания, расплывается и меркнет.

А затем я чувствую на себе чьи-то горячие крепкие руки, словно меня подхватывают и куда-то несут. Хочу открыть глаза и спросить, что происходит. Но веки просто неподъемные, а губы задеревенели. Голоса сливаются в невнятный гул и затихают. Последнее, что я успеваю уловить, это запах.

И я узнаю этот запах...

25. Стас

– Стас, я тоже хочу поехать с вами, – ноет Сонька. – Ну, пожалуйста, Стас... Это же такое зрелище будет... Так хочу посмотреть, что будет с этой проклятой шваброй...

– Сонь, – терпеливо повторяю я, – если ты поедешь, никакого зрелища не будет вовсе. Только ты там появишься, как она всё поймет и просто свалит.

Я и сам сто раз передумал – пойти туда или нет. Трудно объяснить, но с самого утра было почему-то на душе погано. Да нет, даже еще раньше, с воскресенья, когда Поинка нам всё рассказала. Только сначала это была больше злость. Я хоть и пытался успокоить Соньку, которая сразу запаниковала, но самого тоже это всё, конечно, выбесило. Даже сам от себя не ожидал таких эмоций.

Ладно Сонька, она в принципе слишком впечатлительная и тревожная. Но с чего меня так заело – сам не знаю. Ясно же, что вся эта мышинная возня Гордеевой бессмысленна. Ну что эта дура может вывести? У кого? Как? Во-первых, что там произошло – знают только наши. А во-вторых, с ней ведь никто и разговаривать не станет. Даже среди мелких уже разнеслось: «общаться со шваброй – зашквар». Нет, ничего ни от кого она не узнает. Бред это всё. Можно особо не париться, но нет же. Меня прямо зацепило.

И, вроде, я умом понимал ее мотивы, а все равно внутри

аж кипело от злости. Говорил себе: мою бы Соньку довели до больницы, я бы сам устроил всем праздник общей беды. Но – именно устроил бы, а не втихаря разнюхивал, подслушивал, подглядывал.

К среде злость поутихла. Стало просто муторно, не знаю, почему. Хотя знаю – план этот меня с самого начала напрягал. Но если она после этого свалит от нас – всем действительно будет только лучше. И мне тоже.

Решил, что не поеду к Меркуловой. Но в последний момент опять передумал. В итоге мы с Владом, Русом и Милошем заявляемся в самый разгар. Пока ехали сюда, я уже себя накрутил до предела. Еще и Яна за нами какого-то черта увязалась. Цепляется за меня, трещит без умолку, смеется, а я даже реагировать на нее нормально не могу – внутри напряжение так и зашкаливает. Ищу глазами Гордееву и почти сразу нахожу. Она танцует в центре комнаты. Вроде, вместе с другими, но в то же время сама по себе.

Сгоняю каких-то левых чуваков с дивана, которые плятятся на нее, пуская слюни. Сначала просто смотрю, хотя нихрена не просто. Ведет меня моментально.

И вот я уже глаз отвести не могу и кроме нее никого не вижу. Дыхание вышибает напрочь. Будто она не под попсу какую-то танцует, а исполняет только для меня самый откровенный беллиданс. Это опять какой-то морок, тяжелый, горячий, неотвязный. Он затягивает как в болото.

В какой-то момент наши взгляды сталкиваются, и меня

совсем уносит. И я уже даже не думаю, какого черта так реагирую на нее. На нее! Да я вообще ни о чем не думаю. Наверное, если бы сейчас случился вдруг пожар или потоп, я бы не заметил...

А потом она неожиданно закрывает глаза и плавно оседает на пол. И я резко прихожу в себя. Поднимаю ее, укладываю на диван. Легонько шлепаю по щекам – нулевая реакция.

Яна верещит под рукой:

– О, швабру срубило? Супер! Где наши? Где Владик? Кто ее раздевать будет?

– Яна, блин, закройся! – резко обрываю ее. А сам ищу глазами Милоша. Он у нас больше всех смыслит в медицине, то есть он вообще единственный, кто в этом что-то соображает. Его батя, пока не погиб, был в Братиславе известным нейрохирургом. Так что Милош собрался идти если не по его стопам, то куда-то в ту же сторону. Притом он не только готовится поступать в мед, но что-то там и на практике умеет. Мать его, тоже врач, кажется, невролог, мечтает передать ему в будущем свою клинику, типа, семейный бизнес, всё такое. Вот и заранее его натаскивает.

Только Милоша нигде нет. Еще и полутьма тут. Вырубаю музон, включаю свет. Все равно его не вижу.

– Э-э-э! – жмурясь, недовольно тянут со всех углов. – Что такое?

– Где Милош? – спрашиваю громко.

– Да он с какой-то девкой наверх пошел, – говорит Рус.

Бегом поднимаюсь на второй этаж, заглядываю в каждую комнату. Наконец нахожу его, тискающего какую-то толстую деваху. Она возмущенно вопит:

– Что за фигня?

Я выдергиваю Милоша, тяну за собой вниз.

В гостиной вокруг дивана, куда я уложил Гордееву, какая-то возня. Левый чел под дружное улюлюканье стягивает с нее джинсы. А футболки на ней уже нет.

– Руки свои убрал, – с силой отталкиваю его.

– Какого хрена? Ты вообще вменяемый? – возмущается он.

Разворачиваюсь к нему, горя желанием вписать в табло, но он сразу отступает. Слышу только за спиной обиженный бубнеж:

– Полин, что за неадекват? Ты же сказала, что можно будет...

Влад тем временем тянется к Гордеевой со словами:

– Белье в нашей фотосессии будет лишним...

– Блин, и ты туда же. Влад, ну ты-то хоть не лезь, а?

– Что, сам хочешь? – смеется Влад, глядя на меня.

Оглядываюсь на Милоша.

– А ты чего стоишь? Давай сюда! Посмотри, что с ней? Почему она отключилась?

– Так она же это... – недоуменно бормочет Милош, оглядываясь на наших. – Ну, она спит просто. Вы же сами этого хотели.

– Я вообще не думал, что она будет без сознания... Думал, ее просто... ну, не знаю, развезет малость... Нет, ну ты проверь.

Он наклоняется, щупает запястье, трогает пальцами ее шею сбоку, приподнимает верхнее веко, телефоном светит.

– Ну? Как она? С ней точно все нормально будет?

– Да точно... – отвечает Милош. – Говорю же, просто спит. Думаешь, я бы стал у матери тащить какие-то тяжелые транки? Мне так-то тоже проблемы не нужны. Короче, спит она. Проснется потом, да и всё. Ну, может, голова кружиться завтра будет.

– А скоро?

– Что скоро?

– Проснется скоро?

– Не знаю. Может, через два часа, может, через четыре... Я же не знаю, сколько ей Полинка дала...

– Ну всё? – дергает меня Влад. – Успокоил душу? Давайте уже к делу. Сам ее разденешь или помочь?

Перевожу взгляд с него на Гордееву. Сдергиваю покрывало с соседнего дивана и укрываю ее. Затем подхватываю ее на руки и несу на выход.

– Э, Стас... я че-то не понял... – Это Влад.

– Стас! Ты куда?! – А это уже Яна.

– Он куда? Народ, че происходит? – галдят остальные.

Дальше не слышу, выхожу на улицу, сбегая с крыльца и иду к машине.

26. Женя

Сквозь сон слышу, что где-то отдаленно голосит сигнализация. Но мне снится такой сладкий сон, что я, как могу, цепляюсь за него. Но затем тут же, в комнате, раздаются чьи-то шаги. Кто-то проходит мимо меня. Судя по звукам, открывает окно.

Так, стоп! Откуда у меня дома может быть «кто-то»? Мысли ворочаются вяло, медленно, голова как будто набита ватой, и тело такое же ватное. В другой раз я бы, наверное, в панике вскочила и подняла тревогу, а сейчас едва разлепляю отяжелевшие веки. В глазах в первые секунды рябит, как в старом телевизоре. Я вижу чей-то темный силуэт на фоне светлого пятна. Ничего не понимаю. Что это? Кто это?

Зажмуриваюсь покрепче и снова открываю глаза. Постепенно картинка проясняется, и изумленный возглас застревает в горле.

Это Смолин!

И он в одних боксерах... Стоит у окна, точнее, выглядывает из него, расставив руки и навалившись на подоконник. Первая мысль: проверяет, ни его ли машина сигналит?

Вторая: Да ну нет! Какой, к черту, Смолин? Этого не может быть! Это какой-то глюк. Бред. Игры воображения. Или я не до конца проснулась.

В немом шоке разглядываю его взъерошенную темново-

лосую макушку, широкие прямые плечи, смуглую спину с круглыми ямочками на пояснице, стройные ноги. Разглядываю подробно, будто это поможет понять, откуда он тут. Он чешет голой правой ступней левую лодыжку. Нет, ни черта это не сон. Это реально псих.

А потом вдруг до меня доходит, что это не мой дом, не мое окно, что я вообще неизвестно где.

Неужели это дом Смолина? Но, господи, я-то тут как оказалась? Ничего не помню...

Эта ситуация повергает меня почти в панику. Я лихорадочно стараюсь вспомнить, что было накануне, но тщетно.

Смолин кому-то за окном машет и отходит. Я моментально закрываю глаза, притворяясь, что все еще сплю. Не готова я сейчас вот так резко встретиться с ним взглядом, о чем-то заговорить. Надо хотя бы успокоиться немного.

Ну и потом – пусть он оденется, что ли.

Сквозь опущенные ресницы слежу за ним. Он ходит по комнате, то пропадая из поля зрения, то появляясь снова. Наконец натягивает джинсовые шорты. Уже легче. Хотя не очень-то, если честно.

А потом вдруг по квартире разливается трель. Кто-то звонит в дверь. Я напрягаюсь еще больше. Сердце даже не стучит, а дергается как в конвульсиях.

Псих уходит – видимо, открывает гостю дверь.

Гостье. Своей сестре.

Ее требовательный визгливый голос узнаю с первых зву-

ков.

– Стас! Как это понимать?! – верещит она.

Он ей что-то отвечает, но довольно тихо, что разобрать не получается, хотя и я напрягаю слух до предела, даже не дышу.

– Я тебя всю ночь ждала. Беспокоилась, перенервничала вся. Боялась, что с тобой что-то случилось! Почему ты не приехал домой? Ты же не любишь эту квартиру... А почему не позвонил мне? И почему у тебя выключен телефон? Я тебе сто раз звонила!

Смолина опять не особо слышно.

– Блин, не делай так больше, Стас! Не поступай так со мной... Я очень за тебя боялась... всю ночь глаз не сомкнула, переживала... – жалобно просит Соня, а потом спрашивает: – И что, кстати, там произошло? У Меркуловой? Янка в истерике...

Я не уверена, но, кажется, он ответил: ничего. Да, так и есть, потому что затем Соня сразу взвизгивает:

– В смысле – ничего? А как же фотки? Вы их сделали?

Я не понимаю, о чем речь, но почему-то тут же накатывает дурнота: какие еще фотки? Что все это значит?

Смолин опять бубнит что-то неразборчивое.

– Да почему так-то?! – верещит Соня. – И куда ты ее увез? А, главное, зачем?

– Соня! – вот и Смолин начинает, видимо, выходить из себя и повышает голос: – Какого хрена ты с утра мне мозг

выносишь? Зачем? Куда? Почему? Что за допрос?

– Хорошо, Стас, давай без эмоций. Ты можешь мне спокойно объяснять, что на тебя вдруг нашло? Зачем ты увез швабру? Мы же договаривались!

– Да потому что это дичь! Это совсем уже дно. С ней бы там порезвились вволю все, кому не лень. К ней и так лезли какие-то левые чуваки...

– И что? Не все ли равно тебе? Это же швабра!

– Соня, ты сейчас не понимаешь, что несешь. Ну нельзя же быть такой сукой.

– Я, значит, сука? Ну, спасибо! А швабра тогда кто?

– Никто! Что ты от меня хочешь? – почти кричит Смолин.

А я в ужасе от услышанного. Какие-то левые чуваки... О чем он? И словно со дна мутного колодца начинают понемногу проступать... даже не воспоминания, а лишь отдельные обрывки. Чужие руки, голоса, шум... вечеринка у Полины... Точно! У Полины же был день рождения... Там были какие-то ее знакомые парни, и Смолин тоже был...

– Я хочу понять тебя, Стас! – надывается Соня. – Но не понимаю! Куда ты отвез швабру? Ну же? Что ты молчишь? Это что, секрет? Стоп... Только не говори, что сюда... Нет! Не могу поверить...

Слышу быстрый приближающийся цокот каблуков. Замираю, вытянувшись под одеялом, накинув его на пол-лица. Черт! Какая тупая ситуация!

А затем Сонин голос раздается совсем рядом:

– Ну, охренеть! Это что, она там дрыхнет? Она? Стас, ты с ума сошел? Ты притащил в свою квартиру швабру? Эту сраную убогую вонючую полумойку?

– А куда мне ее было везти? Она же в отключке была. Адрес ее я не знаю. На улице бросить? Чтобы она околела или чтобы ее...

– Да ты вообще не должен был ее куда-то везти!

– Давай-ка я сам решу, что я должен, а что – нет.

Они уходят, но продолжают разговаривать на повышенных тонах.

– Блин, это какой-то сюр... Мне просто не верится... Мой брат возится со шваброй! Стас, скажи честно, она тебе нравится?

– Чего? Ты обалдела, что ли? Нет, конечно!

– У вас с ней что-то было, да?

– Соня, хватит нести чушь! Ты в своем уме?

– Стас, она в твоей квартире! В твоей кровати! Вы всю ночь были здесь вдвоем... Ты меня за дуру держишь?

– Угомонись, я спал на диване. К ней даже не притронулся.

– Ты и на диване? – усмехается Соня. – Нет, Стас, она тебе точно нравится. Привез к себе... а ты сюда даже Янку не водил, хотя она просилась... на кровать вон уложил и даже не притронулся...

– Да потому что не хочу я к ней притрагиваться! Сонь, тебя заело, что ли? – раздражается Смолин не на шутку. –

Я же тебе сказал – она мне не нравится. Она не может мне нравиться.

– Почему же?

– Сама знаешь.

– Не знаю.

– Да потому что она – стремная! – со злостью выпаливает он.

Его слова обжигают как пощечина. Непроизвольно закусываю губу аж до боли. Но быстро себя одергиваю. Да не плевать ли? Кто он мне, чтобы его мнение хоть как-то волновало? Вообще никто. Так что без разницы, что он там думает...

27. Женя

Его злость неожиданно остужает Соню.

– Ладно, Стас. Прости меня, – говорит она спокойнее. – Это просто шок. Ну и наши меня накрутили... Влад, Янка... она так вообще вчера весь вечер в трубку рыдала. И ты еще домой не пришел. И на звонки не отвечал.

– Сонь, ну я уже большой мальчик. Всё хорошо. Не нервничай.

– Да ничего хорошего, – горестно стонет она. – Нет, правда, что теперь будет?

– Да ничего не будет. Не начинай. Пойдем кофе лучше выпьем.

– Ты не понимаешь... – горячо возражает Соня. – Меркулова продажная тварь... предательница... она же и нашим, и вашим... Я ей не верю!

Судя по звукам, они перемещаются куда-то вглубь квартиры и дальше, как я ни напрягаю слух, уже ничего не слышу.

Впрочем, мне и так есть над чем подумать. Что-то произошло вчера на дне рождения Полины. Что-то плохое. Или должно было произойти, отчего псих меня... спас? А Соне это не понравилось. Ладно, ее эмоции – ее проблема. Но почему ее брат вдруг решил меня выручить? Не очень-то он похож на альтруиста. Тем более я, по его мнению, стремящаяся, что даже притронуться не может...

Я заглушаю легкий укол, повторяя: и черт с ним. Нет, это даже хорошо. Хотя... кто меня раздел тогда? Я сама? Но почему я этого не помню? На автомате, наверное. Так, а куда я сложила одежду?

Я сажусь в постели, оглядываюсь по сторонам, но не вижу ни джинсов своих, ни футболки, ни даже носков. Выползаю из-под одеяла и тихонько, на цыпочках кружу по комнате, заглядывая во все возможные места. Да что ж такое-то! Куда я могла всё сунуть? Может, где-нибудь в ванной? Хотя странно, не могла же я в одном белье пройтись в чужой квартире, тем более перед психом! От одной лишь мысли, что он мог меня вот так увидеть, мне становится дурно.

Так, Женя, не паникуй, говорю себе, успокойся и попытайся вспомнить, что было.

Я сажусь на кровать и даже зажмуриваюсь от напряжения. Но отчетливо помню лишь то, как приехала к Меркуловой от мамы. А нет, еще помню полутемную гостиную... пунш с корицей... и Смолина! Он смотрел на меня, когда я танцевала, глаз не отводил. Смотрел так, что даже сейчас к щекам приливает жар.

Снова невольно лезет мысль: если я такая стремная, что ж тогда он так пялился на меня? Да, господи, плевать, тут же одергиваю себя. Дальше-то что было? Но увы, как я ни выжимала из себя, ничего больше вспомнить не могла. Просто черная дыра...

«Меркулова продажная тварь... она и нашим, и вашим...»

— всплывают на ум только что сказанные слова Сони. Уж не Полина ли подсыпала мне какой-то гадости в свой пунш? Больше ведь я ничего там не пила. И на эту вечеринку она слишком уж активно меня затягивала. Лешу приплела какого-то, который якобы что-то знает. Подозреваю, что она сама его придумала.

Теперь вопрос: зачем ей это? Впрочем, и так можно догадаться. Скорее всего, ее об этом попросила Соня, а она и рада выслужиться, чтобы её простили, чтобы перестали травить и издеваться. И что было после того, как я отключилась? Хочу знать это и вместе с тем боюсь: вдруг что-то плохое или унижительное?

Да, Смолин меня увез, но в какой момент?

Пытаюсь прислушаться к собственным ощущениям, но кроме тяжести в голове и сухости во рту ничего необычного в теле не чувствую.

И тут раздаются шаги и голоса.

Смолин с сестрой выходят в коридор, и я мигом ныряю обратно под одеяло и закрываю глаза. Пожалуйста, пусть, если не оба, то хотя бы Соня уйдет! А уж со Смолиным, наверное, можно договориться. Он же там меня, получается, выручил. И вообще иногда он ведет себя как абсолютно нормальный человек, если с ним по-доброму.

Они о чем-то тихо говорят, потом хлопает входная дверь. Она ушла. Одной проблемой меньше. Так, теперь надо сообщить, что мне сказать Смолину, когда он сюда войдет? Где

я? Как тут оказалась? И где мои вещи? Не говорить же, что я подслушивала их разговор...

Слышу – идет. Приближается. Останавливается рядом с кроватью. А я, вместо того чтобы изобразить пробуждение, почему-то наоборот замираю, не дышу, лишь подглядываю из-под ресниц.

Ну что он стоит надо мной? Зачем опять смотрит? Я так не могу... не могу больше. Ресницы начинают непроизвольно подрагивать, и я смыкаю веки. И вдруг с краю кровать прогибается под его тяжестью. А затем эту самую тяжесть я чувствую уже на себе. Он усаживается поверх меня, прямо на мои бедра и резко сдергивает одеяло до самой талии.

Я невольно ахаю и распахиваю глаза. Какого черта он уселся на меня? Какого черта меня разглядывает? Сначала смотрит прямо в глаза, так что у меня сердце, ухнув, куда-то проваливается, а потом начинает стремительно разгоняться. Взгляд его, горящий, даже какой-то горячечный, прожигает насквозь. И это мгновение растягивается до бесконечности.

А затем Смолин сглатывает и опускает взгляд ниже, прямо на грудь, которая от волнения вздымается в такт учащенному дыханию. Вспыхнув, я пытаюсь прикрыться руками. И только тут замечаю в его руке телефон.

Я не успеваю даже дернуться или вскрикнуть, как Смолин делает снимок.

– Ты чего? Ты что творишь? – выдыхаю я.

Он отвечает не сразу. Даже не отвечает, а просто разво-

рачивает экран своего айфона ко мне, прямо к лицу. Фото ужасное! Глаза ошалевшие. Волосы разметаны по подушке. Но черт с ними с волосами. Всё остальное – просто катастрофа. Боже, лучше бы я не прикрывалась. Так кажется, что на мне вообще ничего нет, даже топа из-за скрещенных рук не видно.

Лицо густо заливают жар.

– Зачем ты это сделал? – облизнув пересохшие губы, потрясенно спрашиваю я. – Ты спятил? Удали сейчас же!

Смолин переводит взгляд на мои губы и снова сглатывает.

– Удалю, – отвечает он глухо, с хрипотцой. – Как только ты свалишь из нашей гимназии.

– А если не свалю? Сохранишь себе на память?

Мой язвительный тон будто его тотчас отрезвляет. Нет, в глазах еще все тот же лихорадочный блеск, но взгляд уже не плывет, а становится острым и злым.

– Да нахрен ты мне сдалась, – отвечает он. – Нет. Выложу в сеть. В группу твоей бывшей школы.

Вот подонок!

Даже думать тошно, что будет, если псих так и сделает. Наши этого просто не поймут. Девчонки еще ладно, посплетничают, но делать из этого драму и плевать не станут, а вот парни... У них свои понятия, и такое они не уважают, мягко говоря. Даже очень мягко.

А Дэн! Его же вообще разорвет. Как всё это объяснить ему? Да он и слушать ничего не станет. Он и так уже накру-

тил себя до предела. А тут еще публично... Для Дэна это будет двойной удар. Он до сих пор не успокоился из-за того, что псих меня подвез «при пацанах». А здесь момент в сто раз хлеще. Ой, да такой позор он не вынесет просто.

Но самое ужасное даже не это... В группе нашей школы сидят ведь и учителя, мамыны бывшие коллеги, подруги. И тут уже будет не просто стыдно, а... уф, даже думать не хочу!

Все эти жуткие мысли вихрем проносятся в голове буквально за пару секунд, и всё внутри тут же начинает в панике дрожать. Но вида я не подаю. Глядя на психа с вызовом, запальчиво говорю:

– Ну и выкладывай. Мне плевать. И вообще слезь с меня!

Смолин на миг зависает, вскидывает брови в изумлении и в первый миг кажется растерянным. Он явно не ожидал такой реакции. Мне даже было бы смешно, если бы не страх...

Но затем он пожимает плечами:

– Как скажешь. Тогда прямо сейчас и выложу...

Он садится на край кровати, на собственную ногу, согнув ее в колене. Я же, натянув одеяло обратно до подбородка, напряженно слежу за ним. А этот гад с кривой самодовольной улыбкой водит пальцем по экрану айфона, открывает там какие-то окна, куда-то нажимает.

Неужели правда выложит? И я не выдерживаю. Рывком подскакиваю и пытаюсь отобрать у него телефон.

Мне это даже почти удастся, но Смолин перехватывает мою руку и крепко сжимает запястье. Я в отчаянии стараюсь

дотянуться второй рукой, но он и ее ловит. Несколько секунд длится эта борьба, пока я не оказываюсь будто в тисках прижата к нему. Позорно и глупо. Мы оба дышим тяжело, шумно, прерывисто и оба испепеляем друг друга взглядом.

– Подонок, – шиплю я. – Отпусти! Что я тебе сделала?

– Да что ты мне можешь сделать? – усмехается он снисходительно и выпускает меня. Поднимает с пола свой проклятый айфон, сует в задний карман джинсовых шорт и отходит в другой конец комнаты.

– Тогда какого черта ты творишь?!

– Я уже сказал. Свали из гимназии туда, откуда пришла. И я удалю фотку, – отвечает он, не оборачиваясь. Сам роется в шкафу, что-то там ищет. – Тебе же лучше будет.

– Откуда тебе знать, что для меня лучше? И почему я должна уходить? Мне, может, не хочется. Мне, может, очень понравилось в вашей распрекрасной гимназии.

– Это уже твои проблемы. И их будет гораздо больше, если не уйдешь. Это не угроза, а просто факт.

– Почему я должна уходить? – повторяю свой вопрос. – Только потому что ты так решил?

– Ты ведь, вроде, не дура. В математике вон рубишь, а простых вещей не догоняешь. Ты пролезла туда, где тебя не ждали и не хотели, где ты не нужна и никому не нравишься. Это все равно что вломиться в чужой дом и заявить, что будешь теперь там жить. Но это не твой дом. И из наших никто не будет с тобой даже общаться, потому что ты...

Он замолкает на полуслове.

– Второй сорт?

Смолин снова подходит к кровати, только теперь у него в руках стопка с одеждой. Голубые джинсы, белая футболка, серая толстовка. Всё это он небрежным жестом кидает на кровать.

– Видишь, ты и сама, оказывается, всё понимаешь. Одевайся.

Пропускаю мимо ушей очередное его оскорбление.

– Что это? А где моя одежда?

– Считай, что это твоя одежда, – кивает он на свои вещи.

– Не нравится? Можешь идти как есть.

И Смолин выходит из комнаты.

28. Женя

В ванной умываюсь и чищу зубы, выдавив пасту на палец. Стараюсь, конечно, сохранять спокойствие и не поддаваться панике, но то и дело к горлу подкатывает противная тошнота. Как я могла так тупо попасть? Ведь знала же, на что способны мои новые одноклассники.

Бросаю взгляд в большое зеркало. Просто мечта поэта! На голове – воронье гнездо. Лицо бледное до синевы. А в вещах Смолина я просто утопаю. Особенно толстовка на мне висит чуть не до колен. Да и плевать, было бы перед кем красоваться.

– Э, ты там уснула? – слышу грубый окрик Смолина. Ненавижу его!

Выхожу из ванной несчастная и злая. Псих уже полностью одет и собран. Стоит в коридоре, подпирая спиной стенку, держит руки в карманах ветровки и разглядывает меня. Нагло и высокомерно.

– Вон кроссы мои старые надень, – указывает он кивком на пару белых кроссовок найк. – И поехали. Подкину тебя до дома.

Ситуация абсурдна до безумия! Он только что самым подлым образом сфотографировал меня, унизил, опустился до шантажа, да попросту загнал в тупик. И тут же дает мне свою одежду и предлагает подбросить до дома. Где тут логика?

Где во всем этом хоть какой-то смысл? Бред какой-то!

Однако я очень хочу домой. Поэтому молча сую ноги в его кроссовки, даже не расшнуровывая их, и выхожу следом из квартиры в подъезд. Смолин не ждет лифт, а сразу сворачивает к лестнице. И мне приходится идти за ним, точнее, плестись, потому что его кроссовки едва не сваливаются с меня на ходу.

– Я завтра отдам тебе твою одежду и обувь, – говорю ему.

– Зачем? – не оборачиваясь, отвечает он, быстро сбегая по ступеням. – После тебя я все равно это носить не буду. Так что можешь оставить себе или выброси.

– Как скажешь, – с деланным равнодушием отвечаю я, заставляя себя не обращать внимание на его очередное оскорбление. Хотя, конечно, очень неприятно, очень... Почему он так пытается меня унижить? И почему меня это так задевает?

– И потом, – уже снизу громко добавляет он: – Я рассчитываю, что мы тебя больше уже не увидим... ни завтра, ни послезавтра, никогда...

– Не надейся.

Но Смолин меня не слышит. Я отстаю от него на несколько пролетов. Он уже хлопает подъездной дверью, а я все еще спускаюсь с третьего этажа.

– Шевелись, а? – раздражённо бросает Смолин, когда наконец выползаю на улицу.

Сажусь в его Порше, пристегиваюсь как порядочная и тут вспоминаю, что у меня при себе нет ни сумки, ни телефона,

ни ключей от дома.

– А где мои вещи? – спрашиваю Смолина.

– Шмотье твоё? У Меркуловой, наверное.

– А моя сумка? Там телефон, ключи... там всё... Я даже домой не попаду.

Грубо выругнувшись, он набирает Меркулову, причем включает вызов на громкой связи.

Она отвечает почти сразу.

– Привет, Стас! – голос ее звучит напряженно и в то же время заискивающе.

– Полин, вещи новенькой... сумка там ее, телефон... у тебя?

– Да, вроде... Посмотреть? – спустя паузу снова подает голос: – Сумка точно здесь, а где ее тряпье – не знаю. А что?

– А ты сама всё еще там? За городом? Никуда не собираешься?

– Нет, у нас же сегодня уроки с одиннадцати. Но я, может, вообще не пойду, что-то мне...

– Я к тебе скоро заеду, – перебивает Смолин. – За ее вещами.

– Да? – удивляется она. – Ну ладно. А сама Швабра где?

– Рядом со мной сидит, – преспокойно отвечает он.

– Ой, ну пока тогда, – быстренько сворачивает разговор Полина.

Я стараюсь не подать вида, но скулы предательски вспыхивают. Когда Соня называла меня в классе этим тупым сло-

вом, было ведь плевать. Абсолютно. Меня даже смешили ее потуги выпятить свое значимость таким глупым способом. Сейчас же оно вдруг болезненно обожгло. Сама не знаю, почему. В их диалоге как-то обидно и унижительно всё это прозвучало.

– Тащись теперь из-за тебя опять к Меркуловой, – высказывает свое недовольство Смолин и с мрачной миной смотрит на часы. – И так всё утро с тобой торчу, будто делать мне больше нечего.

– Оу! – у меня даже смешок от изумления вырывается. – То есть это моя вина, что ты тут со мной торчишь? Что вы меня затащили на свою проклятую вечеринку и накачали чем-то до беспамятства? Что я очнулась не дома у себя, а черт знает где?

Он окидывает меня насмешливым взглядом.

– Да кто тебя куда затаскивал? Тебя позвали – ты помчалась. И что значит – накачали? Тебе что, силой что-то в рот заливали? Сама пришла, сама выпила. Всё сама. Добровольно. Так что не ной теперь.

– Ну так и ты меня привез оттуда добровольно. Так что сам не ной.

Смолин тут же вспыхивает:

– Капец, ты охреневшая! Да ты хоть знаешь, что бы там с тобой было, если б я тебя не увез?

– И что?

– По рукам бы пошла, – хмуро отвечает он. – Но сначала

ла, конечно, тебе бы полноценную фотосессию устроили во всей красе. Может, еще как-нибудь поглумились бы. Поверь, фантазии у наших бы хватило...

– Так я тебя благодарить теперь должна? – едко спрашиваю я. Как будто он сам меня не сфоткал, спаситель!

– Нахрен мне нужна твоя благодарность, – кривится он. Выезжает за город и быстро набирает скорость.

– И зачем тогда ты меня увез?

– Считай, пожалел.

– О, так ты у нас жалостливый. Прямо сама доброта и милосердие! – с горечью восклицаю я.

Смолин резко ударяет по тормозам и останавливает машину на обочине. Меня швыряет вперед так, что ремень врезается в туловище.

– Ты нормальный?!

Он разворачивается ко мне всем корпусом. Яростно сверкая глазами, выпаливает:

– Еще слово и я тебя высажу к чертям! И при сама до Меркуловой за своим барахлом, ясно?

– Ясно, – отвечаю я. И иду ва-банк: – Удали мою фотку. Пожалуйста.

С минуту мы смотрим друг другу в глаза. Его – горят как угли, но отвести взгляд от них невозможно.

Возникает странное ощущение, будто сейчас что-то произойдет. Меня даже неясное волнение охватывает. Мне кажется, он тоже это почувствовал и дрогнул внутри. Но затем

это ощущение исчезает. Он отворачивается, заводит машину и трогается с места.

Несколько минут мы едем молча. Потом я все же снова завожу разговор:

– Ты ведь можешь быть нормальным. Зачем тебе это? Тебе станет легче, если выложишь эту фотку в сеть?

– Да мне пофиг, – хмуро отвечает он.

– Тебе не пофиг, – заявляю я с внезапной самоуверенностью, которую сама от себя не ожидала. – Было бы пофиг, ты бы не увез меня вчера...

– Я просто не хотел лишних проблем, – возражает он и с нарочитой грубостью добавляет: – А на тебя мне вообще плевать.

Мне тут же вспоминается, как он с утра спорил с Соней, что не мог бросить меня на улице, мол, вдруг я замерзну или еще что-нибудь плохое случится. Наверное, это глупо и самонадеянно, учитывая обстоятельства, но мне вдруг на ум приходит мысль: я ему нравлюсь. Нет, не нравлюсь. Точнее будет: я его волную. Причем против его желания.

– Было бы плевать – ты бы сейчас не ехал со мной к Полине, – заявляю я, а сама слежу за его реакцией, замерев в напряжении. Что он сделает? Психанет? Начнет доказывать обратное? Или, наоборот, даст слабину?

Но он на это просто молчит. Смотрит перед собой, крепко стиснув челюсти. И ни слова в ответ.

Но я не отступаю, делаю еще одну попытку до него досту-

чаться.

– Стас, ну правда, зачем это тебе? Пожалуйста, удали эту фотку.

– Я же сказал, уйдешь – удалю, – злится он.

– Я все равно не уйду...

Он мрачнеет еще больше.

– Ну и дура.

А затем включает свою ужасную музыку, видимо, чтобы я его больше не доставала.

К Меркуловой он заходит вместе со мной. Полина встречает нас у дверей.

– Привет, – здоровается она как ни в чем не бывало. А мне так и хочется ей ответить, что мало ее побрили, но с каменным лицом прохожу мимо нее в гостиную.

Там – черт ногу сломит. Кругом все разбросано, стулья перевернуты, какой-то парень спит на диване. Выдергиваю из-под него свои джинсы, на полу нахожу футболку, а сумку Меркулова сама приносит.

– Проверь, всё ли на месте, – советует Смолин.

Всю обратную дорогу Смолин вновь пытается меня тяжелым роком. И когда мы подъезжаем к нашему двору, у меня уже голова раскалывается от басов и ударников. Выхожу – и тотчас музыка смолкает. А вслед летит:

– Эй! У тебя три дня. Если до понедельника не уйдешь от нас...

Я, не оглядываясь, шепчу под нос: «Пошел к черту!» и захожу в подъезд, не дослушав его угрозу. А вот дома... дома на меня нападает настоящая паника.

Что делать? Что, черт возьми, делать? Вариантов-то, собственно, всего два. Уйти или остаться, несмотря на его угрозы. Но уйти я не могу. Особенно вот так – как побитая собака. А если останусь... ждет меня тогда позор. Позорище...

Полдня я терзаюсь, а вечером, перешагнув стыд, звоню Олегу Хоржану:

– Привет, Олег. Ты тогда говорил, что поможешь мне, если вдруг что... Понимаешь... – начинаю я и замолкаю, не представляя, как ему всё это выложить.

И слышу в ответ твердое:

– Что нужно сделать?

29. Женя

У Олега я дома впервые. Впрочем, вряд ли кто-то еще из нашего класса у него успел побывать. Его мать, молодая и очень хорошенькая, только слишком ярко накрашенная, увидев меня, аж восклицает удивленно:

– Оу! Ты к моему Олегу?

А потом, двусмысленно хихикнув, кричит куда-то вглубь квартиры:

– Олежек, милый, к тебе тут девочка пришла!

Олег появляется почти сразу. Пока я разубаюсь, его мать меня разглядывает с живым любопытством.

– Мам, иди к себе, – хмуро просит он.

– Может, ты нас познакомишь?

Но Олег лишь бросает на нее взгляд, в котором читается суровая просьба: «Прекращай!».

– Я – Женя, – представляюсь я сама.

– А я – Элла.

На ней красный шелковый халат с золотыми драконами и пояс с кисточками.

– А... отчество?

– Никакого отчества. Просто Элла, – ослепительно улыбается она.

– Жень, идем, – зовет меня Олег, и я следую за ним.

Он заводит меня в свою комнату, и почти сразу его опять

зовет мама.

– Олежек! Можно тебя на секунду?

– Располагайся, я сейчас.

Я осматриваюсь. Здесь просто идеальный порядок, идеальнейший: ни пылинки, ни соринки, ни одной вещи не на месте. Как в музее. Только длинный стол с двумя огромными мониторами и куча всякой навороченной периферии для

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.